

Владимир Сединкин

Ливень

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Сединкин

Ливень

«Автор»

2025

Сединкин В. А.

Ливень / В. А. Сединкин — «Автор», 2025

В этом мире всё вверх тормашками. В этом городе постоянно идёт дождь.
Инспектор Эмиль Бюлов, городская стража, серый квартал, теурги и кулак правосудия...

© Сединкин В. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Младший инспектор	5
Глава 2. Обычный рабочий день	8
Глава 3. Подарки капризной Мёрт	11
Глава 4. День святого Христофора	18
Глава 5. Корнелиус Аддингтон	21
Глава 6. Вдовец	24
Глава 7. Пересечь линию	28
Глава 8. Студент	32
Глава 9. Стажёр	35
Глава 10. Призраки	39
Глава 11. Глобус	42
Глава 12. Протухший свидетель	45
Глава 13. Тенёта	48
Глава 14. Кровь, стекло, кафель и порох	52
Глава 15. Балагур	56
Глава 16. Прощальный ужин	59
Глава 18. Танцы под дождём	65
Глава 19. Ловушка	70
Глава 20. Складская 8	73
Глава 21. Это был хороший план	76
Глава 22. Кружева	79
Глава 23. «Красная луна»	83
Глава 24. Запах пороха	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Сединкин

Ливень

Глава 1. Младший инспектор

Створки дверей со стуком захлопнулись, и внутри клацнул засов.

– Герр Бюлов, а теперь что? – выглядывая из-за бочки с селёдкой, спросил стажёр, крепко вцепившись в рукоять пистолета с новомодным колесцовым замком. Рука парнишки подрагивала от страха, но при стрельбе он не сбежал, даже один выстрел произвести сумел. Молодец, пожалуй, оставлю его ещё на неделю.

Ответить я не успел. За нашими спинами раздался цокот копыт, и в переулок влетела телега, запряжённая тремя взмысленными лошадьми, возница которой, привстав на козлах, крепко сжимал в зубах пенковую трубку.

– Чего так долго? – недовольно бросил я Боцману, сбрасывая с четырёхфунтовой пушки, закреплённой с помощью хитрого устройства на повозке, кусок грубой выцветшей на солнце рогожи.

Курилка невозмутимо пожал плечами, протягивая мне мешочек пороха и ядро. На мои недовольства старый товарищ никогда внимания не обращал. Какие могут быть обиды на того, с кем проливал кровь и дрожал от холода под дождём, укрывшись одним плащом.

– Мы что будем стрелять из пушки в городе? – выпучив глаза от удивления и сдвинув треуголку на затылок, Шумахер наблюдал за моими действиями.

– Всего разочек, – руки мои автоматически проделали всю работу, и вот оружие уже было готово к выстрелу.

– Директор будет в бешенстве, – мелко закивал головой стажёр, отчего его золотистые локоны, выбившиеся из-под головного убора и больше подходящие девчонке, а не восемнадцатилетнему парню, затряслись.

– Это уж как водится.

Словно по команде мы с Боцманом раскрыли громко рты и заткнули уши. Пушка громко чихнула и послала ядро прямо в закрытую дубовую дверь таверны.

* * *

Смена уже полчаса как началась, а мы всё ещё были не на службе. А ведь дел было вагон и маленькая тележка. Спиной я чувствовал многочисленные взгляды коллег, направленные сквозь стеклянную дверь, которой наш начальник так жутко гордился.

Меланхолично гоня пальцем по столу круглую серебряную мушкетную пулю, Антон Мулине – директор Городской стражи, некоторое время разглядывал меня и моего стажёра Шумахера. А затем, вздохнув, негромко со страданием в голосе произнёс:

– Что там насчёт потасовки в «Пирамиде»?

Видя, что я не намерен бросаться в пространные объяснения, Ганс, обменявшись со мной взглядом, вытянул руки по швам и громко прокричал:

– Ничего особенного, герр директор! Это был просто обычный рейд!

– Двое убитых, четверо в больнице имени Святого Иллиана? – оттопырив недовольно губу начальник продолжал буравить меня взглядом. – Обычный рейд?

– Они оказали сопротивление, герр директор! – продолжая горланить, стажёр ещё и каблуками ботинок щёлкнул.

Ух, как это у него получилось! На загляденье! Я за время службы в армии так и не научился этому красивому приёму. Да и спинку гнуть тоже.

Крупная толстая оса ползала по подоконнику за спиной хозяина кабинета, на котором были разбросаны крошки чего-то сладкого.

– И чем они вам не угодили, младший инспектор? – снова проигнорировал салагу Мулине. – И прикажите своему практиканту не орать так. У меня после посещения регента началась жуткая головная боль.

Шумахер прикусил язык, а я, подняв взгляд, посмотрел на директора.

– Носатый скрывал у себя двоих, находящихся в розыске, и попытался напасть на нас, когда я учинил обыск.

Пуля соскочила со стола и покатила к нашим ногам.

– Поэтому ты снёс ему полголовы?

– Нет, в него попал Вата, когда целился в меня.

– У тебя вечно так, – склонив голову по-птичьи набок, оборвал меня директор. – Они у тебя всё время бьются головами о различные предметы, случайно протыкаются ножами, выбрасываются из окон... ничего не забыл? Ах да, взрываются! Как в прошлом месяце. Я целый час гнул спину перед Его Сиятельством, пытаюсь объяснить, что произошло с его любимой «Куропаткой», и почему плавать на ней он больше не будет.

– Вы преувеличиваете...

– Я приуменьшаю, Эмиль! – острый кулачок Мулине готов был обрушиться на столешницу, но в последний момент он передумал и зевнул. – Мне лучше тебя известно, что работать в Сером квартале никто не хочет. Там слишком опасно, слишком грязно. Ты подходишь как нельзя лучше, да, но помни – незаменимых людей нет.

– Мы свободны? – улыбнулся одними губами я, надевая на голову треуголку.

– Конечно. Можете идти, – бросил директор, тут же теряя к нам интерес и доставая из ящика стола пирожное со взбитыми сливками и большой красной клубникой на верхушке.

Покидая кабинет, я заметил, что оса, взлетев над подоконником зависла над головой Мулине.

* * *

– А почему мы не рассказали директору про Анну? – вприпрыжку нёсся за мной стажёр, всё ещё прижимая головной убор к груди.

– Бесполезно.

– Но девочка в опасности!

– Она серв, не гражданин города, – пояснил я, приветственно кивнув пробежавшему мимо со стопкой фолиантов Бруни. – Преступление, совершённое против раба, будут расследовать только после его смерти.

– Но это несправедливо. А герр Баум? Разве он не захочет вернуть свою собственность? Ведь сколько-то девочка стоит?

– Прощельга не станет связываться со Щекастым. Он в Сером квартале в авторитете, – сказал я, толкая рукой дверь. – Этот тип порежет его и бровью не шевельнёт.

В лицо нам брызнули капли дождя. От прекрасного солнечного утра не осталось и следа.

* * *

Быстрым шагом пересекая площадь перед департаментом, я вспоминал как усталая, изнурённая работой женщина, рыдала навзрыд, рассказывая о пропаже своей десятилетней дочери. Конечно, пропажа рабыни не была моим делом, но дома меня ждала девочка пятью годами младше, а это значит, что я очень хорошо понимал чувства матери.

Удар опрокинул Акробата на землю и, разбрызгивая во все стороны воду, тот рухнул навзничь, скорчившись от боли. Оседлав преступника, я приставил к его горлу лезвие ножа и молча уставился в глаза.

Струйки влаги скатывались с моей треуголки и плаща на лицо вора. Выплюнув налившуюся в рот воду, тот заорал:

– Так нельзя! Так нельзя! Лис, городская стража так себя не ведёт. Я буду жаловаться. Металл разрезал кожу на шее, отчего капелька крови сбежала на грудь преступнику.

– Да, всё! Всё! Я понял! Девчонка в «Рыцаре и шлюхе». После прошлогоднего пожара Щекастый теперь там заседает.

Похлопав ладонью по щеке преступника, я растворился в струях ливня, хлеставших с неба.

Стоит ли говорить, что нам были не рады.

* * *

Когда дым от выстрела рассеялся, я приказал Шумахеру оставаться на месте и ждать прибытия наших коллег. Сам же, переступая через обломки двери и труп привратника, которому ядро напрочь сорвало голову, направился внутрь таверны.

Неплохо получилось. Ну, а что? Я же артиллерист в прошлом, и с такого расстояния не промахнулся бы. Впрочем, это совсем другая история, а пока... мне тут кое с кем по душам потолковать надо.

– Тук-тук! Встречайте гостей.

Глава 2. Обычный рабочий день

Лучи света били из многочисленных мозаичных окон прихожей, превращая всё пространство холла до лестницы на второй этаж в нечто наподобие паутины. А что? Неплохое сравнение. Паук здесь действительно обитает. И ещё какой!

– Боцман, мальчишку береги! Отвечаешь за него головой! – бросил я через плечо, вынимая из ножен клинок и сбрасывая с тяжёлый плащ из кожи левиафана. Позади раздалось знакомое бульканье, означающее, что курилка меня понял и поручение выполнит.

Первого «пращника», именно так называли себя люди Щекастого, начинавшие на улицах мелкой бандой беспризорников, я встретил у лестницы.

Сабля опустилась передо мной на залитую кровью привратника красную дорожку, и мне оставалась только наступить на неё сапогом, да вонзить меч в грудь бедняги.

Лицо бандита побледнело прямо на глазах, жизнь уходила из него словно выплёскиваясь вместе с пузырями крови и слюны на светлую атласную сорочку обтягивающую грудь.

Я посмотрел умирающему в глаза и ничего не почувствовал. А ведь не всегда был такой хладнокровный и безжалостный. Да что там! Первая настоящая драка у меня и то произошла в тринадцать лет. Точнее не драка – меня избили. Глупо, неумело, но избили. Нет, я не был маменькиным сынком или отличником, скорее себе на уме, а это не всем нравилось. Именно чтобы победить себя, переломить свои страхи я и сбежал из дома в армию.

Бах! Выстрел из пистолета сбил треуголку с моей головы, отлетевшую под кожаный диванчик у стены. Бах! Второй, угодил в поясницу уже закатившего глаза мертвеца.

Отбросив в сторону тело, я вырвал из-за спины короткий кремневый пистолет и всадил пулю прямо в переносицу первого стрелка, замершего в дверном проёме слева. Товарищ его, чертыхнувшись, метнулся вверх, но брошенный мной меч с хрустом застрял в затылке «пращника».

Когда новоиспечённый мертвец скатился мне под ноги по ступеням, я выдернул оружие из тела и рывком взлетел на второй этаж, вовремя упав ничком за огромной вазой с засохшим экзотическим растением.

Бам! – тяжёлая мушкетная пуля развалила пополам горшок, окатив меня землёй. Перекатившись вбок, я замер на коленях с вытянутой вперёд рукой, а пущенный мной метательный нож застрял в груди жилистого бандита с козлиной бородкой, через секунду рухнувшего на колени.

Перезарядив пистолет и выплюнув пулю в ствол, я повернул в коридор направо. Где-то здесь они должны были держать Анну. Больше нигде, ведь я бывал тут раньше и не раз. Правда давно.

Раньше «Рыцарь и шлюха» был особняком торговца средней руки и лишь позднее превратился в таверну «для своих». С Генри Гудманом меня связывали приятельские отношения, поэтому я был завсегдаем этого дома.

«Надо как можно быстрее пересечь коридор, – думал я, почти летя над полом. – Только тогда у меня будет шанс».

Двери скрипнули, и в проход высыпало не менее дюжины «пращников». Шесть впереди, шесть позади. Чёрт, попался!

Группу передо мной возглавлял сам Щекастый. Чёрный бархатный камзол, туфли на каблучках, кружевные рукава. Ну прямо франт, кто бы подумал, что свой первый срок получил за убийство товарища, у которого отобрал парочку стареньких сапог.

Он было хотел что-то сказать, но снизу неожиданно бухнуло и ядро из пушки врезалось прямо в центр плотно замерших за спиной главаря «пращников».

Ай да Боцман! Отличный выстрел, курилка! Пятерых одним попаданием! Налью тебе вечером чарку рома.

Брызги крови, вопли, проклятия и дробный стук каблучков удаляющегося по коридору Щекастого вернули меня в реальность. «Странные движения, неужели пьян?» – подумал я, провожая взглядом преступника.

Оставшиеся бандиты было хотели напасть, но мой выстрел в ближайшего негодяя в красном колпаке, снёсший ему половину лица, заставил их попятиться. Пока они не опомнились, я вонзил меч сначала в доходягу позади подстреленного мною, а затем ударил рукоятью пистолета в висок второго – длинноволосого забияку с серьгой в ухе, рухнувшего на пол словно подкошенный. Трое оставшихся, оглашая коридор криками, побежали к лестнице. Труссы!

Перепрыгнув через куски фонтанирующего струйками крови мяса, совсем недавно строившего из себя хозяев квартала, я бросился вдогонку за Щекастым.

«Ну, где же ты Анна?»

Открывая комнату за комнатой, я находил их пустыми. Правда, в некоторых были металлические кровати с кандалами, прикреплёнными к стене. Смотрю, хозяин плотно подсел на торговлю людьми. Но зачем? У него вроде и так дела идут неплохо? Часть бизнеса даже легальным сделал? Странно.

Внизу громыхнул выстрел мушкетона Боцмана, а затем раздался вопль Шумахера. Не предсмертный, скорее возмущённый.

Ноги сами вынесли меня в чудесный рукотворный сад, сотворённый по заказу бывшего хозяина дома для своей больной дочери. Девчонка страдала редким заболеванием лёгких и никогда не выходила из дома. Так вот, чтобы сделать ребёнку приятное, отец создал в гостиной на втором этаже рукотворный осенний лес из вырезанных на стенах деревьев, с дубом посередине комнаты – точь-в-точь как настоящий, в корнях которого даже плескалось искусственное озеро. Все листики в этом лесу были сделаны из различных оттенков красного и жёлтого шёлка.

Именно под деревом и остановился Щекастый, прижимая к голове девчонки в потрёпанной одежке миниатюрный пистолетик со взведённым курком. Бандит тяжело дышал и зрачки его были расширены от волнения.

«Ну всё, попался. Теперь никуда не денешься», – подумал я, пряча меч в ножны и демонстрируя руки с растопыренными пальцами новому хозяину дома.

– Успокойся, Щекастый, – спокойным тоном произнёс я, стараясь не провоцировать противника. – Отпусти девочку, и обещаю тебе своё снисхождение.

Обычно после этой фразы начинается либо ругань, либо переговоры. Обычно, но не сейчас. Продолжая тяжело дышать, главарь «пращников» молчал, пристально уставившись на меня.

Э, да он неважно выглядит. Пятна на лице, пот градом. Вроде и бежал-то от меня недалеко. А что это у него с глазами?

Мне на мгновение показалось, что зрачки Щекастого загорелись красным, а белок и вовсе исчез. Всего на секунду, спустя которую всё снова стало нормально.

Анна обливалась слезами, а удерживающий её толстяк будто бы подобрался, приготовившись действовать. Даже пузо куда-то делось. Нет, так не годится. Что это ты задумал?

Триииу! Триииу! – пронзительно заверещали трели свистков патрульных Городской стражи, и Щекастый, на мгновение отвлёкшись, повернулся к окну, чуть опустив кисть с пистолетом вниз.

В тот же момент я резко взмахнул правой рукой, и в ладонь мне лёг короткий пистолет с красной рукоятью. Бах! Пуля угодила толстяку прямо в левый глаз, окрасив декоративное дерево позади него в цвет крови и мозгов.

Шёлковые листики словно живые посыпались с дерева на замершего на полу преступника.

* * *

– Вы что тут натворили? – спрашивал меня Антон Мулине уже через полчаса, постукивая своей маленькой ножкой по каменной мостовой. – Это что за бедлам я спрашиваю?

– Ничего, командир – пожал плечами я, поднимая воротник плаща. – Обычный рабочий день.

Пока начальник мой хватал ртом воздух, пытаюсь справиться с возмущением, я посадил в укрытую уже рогожей телегу спасённую девчонку, ухватившуюся за мою руку и забрызганного кровью Шумахера, уже трижды пожаловавшегося мне на Боцмана. Тот, разнёс «пращнику» голову рядом с ним, забрызгав купленный матерью костюм кровью, осколками кости и ещё чёрт знает чем.

* * *

Мы успели до начала ливня. Молнии только-только начали разрезать пасмурное небо. Через сорок минут у входа в мой дом нас встречала строгая, но изящная фрау Хубер со сложенными на животе в замок длинными холёными пальцами.

– Господин, мистер Булман будет ужинать с нами? – спросила она, делая вид, что ей всё равно. Курилку она давно терпеть не могла, уж почему даже и не знаю.

– Да, конечно, фрау Хубер, – кивнул я, просовывая указательный палец в отверстие, оставленное пулей в шляпе. – И эта прекрасная фройляйн тоже.

А спустя час мы уже сидели за накрытым столом, сервированным дюжиной различных блюд, и ели столовыми приборами с белых фарфоровых тарелок. Убеждён, что еда должна красиво подаваться и быть вкусной. Мой каприз. Наверное, это всё из-за армии, в которой я провёл столько лет. Мятый котелок с серой кашей или коричневой водянистой похлёбкой с куском отвратного хлеба из года в год сделали меня эстетом.

Анна, приведённая в божеский вид фрау Хубер и моей служанкой Мартой, ела с жадностью, впрочем, также, как и Боцман, никогда не страдавший плохим аппетитом. А вот стажёр мой что-то взгрустнул и уставился на свои руки. Он то поворачивал их ладонями то вверх, то вниз.

Домоправительница моя и по совместительству воспитательница дочери с презрением смотрела на эти манипуляции. По её мнению, трапеза не время для игр. А вот Клара в жёлтом платье и с волосами, собранными на затылке в узел, смотрела на Ганса с интересом, болтая ножками в сандаликах, свисающих со стула. Какая же она всё-таки у меня красавица!

– Мне кажется, что у меня руки в крови, – медленно произнёс стажёр, бросив на меня виноватый взгляд.

Анна, поправив рукой жидкую прядь волос, выбившуюся из-под платка, ловко, орудовала вилкой, забрасывая в рот картофель и мясо. Курносый нос девчонки, покрытый веснушками, втягивал ароматы покрывающих стол блюд, а глаза сверкали от восторга. Наверное, никогда она не видела столько еды перед собой.

Я кивнул на увлечённую девчущку Шумахеру. Поставив локти на стол и сплетя пальцы перед собой, спросил:

– Ганс, смотря на неё, ты всё ещё чувствуешь, что твои руки в крови?

Парнишка замешкался, наблюдая за счастливой и живой рабыней, подавился слюной, пытаюсь что-то сказать, кашлянул, а затем просто отрицательно помотал головой под внимательным взглядом Боцмана, улыбнувшегося так, как это умеет только он один – уголком рта.

– Нет, – наконец-то коротко выдавил из себя стажёр, всего секунду разглядывая свои пальцы, а затем решительно вооружившись ножом и вилкой. – Теперь нет, герр Бюлов. Я вас понял.

Глава 3. Подарки капризной Мёрт

Старая карга всегда умела удивить. То она умудрялась перевернуть во время спокойной погоды почтовый пароходик, из-за чего вся поверхность воды была покрыта раскисшими посылками и письмами (словно кусками медицинского пластыря, кое-как наклепанными горедоктором на тело больного), то затопить Серый квартал, хотя накануне у набережной вода доходила только до нижней отметки, выскобленной на гранитных глыбах. Но больше всего древняя река обожала приносить подарки городской страже.

– Сколько сегодня?

– Двое, герр инспектор, – отчеканил стражник с пышными рыжими усами вытянувшись перед офицером.

– Двое – это ещё ничего, – глубокомысленно произнёс Гобкинс, с аппетитом уплетая пирог с рыбой, купленный по дороге на происшествие. – Вот в среду, с утра, их пятеро вытащили.

Любопытные горожане, радуясь выглянувшему из-за хмурых туч солнышку, столпились вокруг оцепления из стражей, вытягивая шеи, шушукаясь и приобретая немудрёный товар лоточников, разносивших простую, но вкусную еду. Двигая челюстями и чавкая так же как инспектор, обыватели с интересом поглядывали за действиями рыбаков, орудовавших в воде шестами с металлическими крючьями.

Первым вытащили высокого господина в дорогом шерстяном костюме и чёрных длинноносых туфлях. Его раздувшееся от разложения, покрытое пятнами тело долго не могли подцепить, чтобы утянуть в сеть, с помощью которой и подняли бы на пристань. Багры повредили шею и правую руку мертвеца, обнажив тёмное, холодное мясо, из которого уже почти не сочилась.

Затем из вод Мёрт подняли молоденькую девушку, выглядевшую в серо-белом платье до пят как настоящий ангелок. Участь джентльмена избежала её, и тело оказалось не повреждённым крючьями. Если бы не иссиня-бледная кожа, бедняжку вполне можно было бы принять за спящую.

– Что ты видишь? – спросил я Шумахера, закрывавшего нос и рот надушенным платком.

Чуть склонившись над телом мужчины, паренёк, борясь с приступами рвоты, произнёс:

– Судя по костюму, покойный человек состоятельный. Одни туфли чего стоят. Сшиты на заказ. У моего папеньки такие были, – бросился в воспоминания Ганс, но под моим взглядом тут же одёрнул себя. – Кхм... На вид мужчине лет пятьдесят. Умер дня три назад.

– Два, – уточнил я, пожёвывая палочку лакрицы. – Вода тёплая, вот и разбарабанило его. Всё?

– Всё.

– А причина смерти?

– Трудно сказать, – Шумахер осторожно, будто покойник мог его схватить, ещё раз оглядел труп. – Он же так опух, и пятна эти... может, утонул, упав с пристани в воду?

В толпе за нашими спинами кто-то смеялся, кто-то плакал. Обычная реакция на мертвецов.

– Его убили, – заявил я, краем глаза заметив среди людей поношенный цилиндр Боцмана.

– Убили? – удивился стажёр, со страхом уставившись на речного краба резво ползущего по штанам покойника.

– Конечно. Смотри, из кармашка жилетки торчит обрезанная цепочка. Видишь? Самих часов не видно.

– Мог потерять...

– На пальце правой руки нет кольца. Также белый след на коже остался и на левой – видимо, от массивной печатки. Кошелек при нём тоже наверняка не найдём.

– Ну конечно! Его ограбили! – звонко шлёпнул себя ладонью по лбу Ганс.

– Да, – согласился я. – Предварительно ударив в переносицу. Скорее всего кастетом. Видишь гематому на лице и характерную вмятину?

Чтобы рассмотреть повреждения на теле, Шумахер вынужден был сесть на корточки, но резкий запах от тела заставил его отпрянуть.

– Так он умер от удара?

– Нет, утонул, – я взглянул на Гобкинса, который закончил трапезу и, сверкая глазами, направился к нам. – Удар лишь на время отключил его.

– С чего вы взяли?

– Посмотри на глаза. Сосуды полопались, он задохнулся.

– Здорово! – изумился парнишка, всё же осмелившийся заглянуть в лицо труп. – И откуда вы всё это знаете?

Торопясь и слушая стажёра вполуха, я сделал пару шагов по пристани и замер над девушкой.

«Не более двадцати лет. Ухоженная. Волосы, лицо, ногти на руках ровные и чистые. Грязной и тяжёлой работой не занималась», – подумал я, приподнимая пальцами руку за рукав. А вот это уже интересно!

– Бюлов! Ты что тут делаешь? – заорал Гобкинс, вытирая толстые жирные губы рукавом и так уже покрытым разнокалиберными пятнами. – Это моё дело! Убирайся прочь!

Внимательно рассмотрев подушечки пальцев девушки, я расправил спину и дружелюбно улыбнулся хаму.

– Приветствую, инспектор. Позвольте я вам помогу.

Харкнув мне под ноги, офицер топнул от злости ногой.

– Ты правильно сказал. Я инспектор, а ты – младший инспектор, поэтому вали отсюда подобру-поздорову!

Лицо Гобкинса покраснело, а кулаки сжались. Кажется, он так и не простил мне того, что я обставил его в расследовании убийства отца Боне. Что ж, если природа не одарила мозгами и смекалкой, то родственник в магистратуре вполне сможет компенсировать сие недоразумение.

– Можно я возьмусь за расследование смерти девушки? – продолжая улыбаться, спросил я инспектора.

Уже готовясь разразиться новыми проклятиями, Гобкинс замер на месте.

– Шлюшки? Да кому она нужна? Поди, от несчастной любви в воду бросилась.

– Тогда вы ничего не потеряете, – попытался успокоить инспектора я, взглянув ему за спину. Кажется, у курилки возник конфликт с одним из стражников, стоящих в оцеплении.

– А ты знаешь, я не против, берись, – почему-то заржал Гобкинс. – Хоть под ногами мешаться не будешь. Вечером доложишь.

– Обязательно, – бросил я, покидая пристань и в три прыжка оказываясь возле вот-вот готовой вспыхнуть потасовки между моим товарищем и сотрудником правопорядка.

– Марк, это со мной, – опустил я руку на плечо стражника, удерживавшего за грудки Боцмана, опуская ему руку на плечо.

– Извините, младший инспектор, я не знал, – оправдался тот, разжимая кулаки и разглаживая на груди курилки сюртук. – А то пояснить ничего не может, только прёт вперёд и всё!

Когда конфликт был улажен, и все друг другу поклонились, я быстрым шагом направился сквозь толпу, бросая предостерегающие взгляды карманникам, которые сбежались на набережную словно коты к разбитому горшку со сметаной. На них не было времени. Нужно было торопиться и как можно скорее. Шумахер и Боцман еле-еле поспевали за мной.

Брусничка, запряжённая в экипаж, недовольно, взглянула на меня фыркнув, губами. Ей всегда было не по нраву таскать за собой повозку. Извини, ничего не поделаешь. Сегодня будет так. Прыгнув на сидение, я бросил взявшему вожжи в руки Боцману:

– На Мягкие лапы и побыстрее!

С неба снова что-то закапало, и мы, подняв воротники, развернули полог повозки. Мимо проносились серые улочки и многочисленные прохожие с разноцветными зонтиками.

– Ганс, – обратился я к стажёру, засовывая в рот новую палочку лакрицы. – Сейчас бегаешь к геру Бруни и раз узнаешь у него всё об убитых. По крайней мере о мужчине. Девушка скорее всего пока будет не опознана.

– Бруни, Бруни... это архивариус что ли? – задумался Шумахер. – Плешивый? А откуда он может всё узнать? Вроде бы времени прошло совсем немного...

– Советую с уважением относиться к этому человеку, – подошвой сапога я наступил на безукоризненно чистый ботинок паренька, отчего тот ойкнул. – Он знает обо всём, что происходит на улицах, так как составляет сводки и проявляет недожиданный талант в анализе преступлений. Делай, что говорю. Особое внимание обрати на похищенные у убитого вещи. Мы должны знать, как они выглядят.

– Понял. Но вы ведь вроде взялись за расследование смерти девушки? Её что тоже убили?

– Верно. Сломали шею. Ты обратил внимание, как дёргалась её голова? Думаю, эти преступления связаны.

– Ничего себе! – вскрикнул Шумахер, отчего Боцман, попыхивая трубкой, рассмеялся и выпустил в воздух облачко дыма. – Но девчонка пролежала в воде всего несколько часов!

– Это ничего не значит.

– Ладно, а инспектор Гобкинс знает? Хотя о чём это я. Конечно, нет. А вы куда? – лицо паренька покраснелось от азарта, и вопросами он сыпал, как начавшийся дождь каплями.

– Я хочу пригласить сегодня поработать с нами мистера Стича.

– Алкаша, круглосуточно валяющегося под лестницей в фойе? Его ещё не уволили? – скривился Шумахер, удивлённо взглянув на меня.

– Не имей дурацкую привычку судить о людях по внешнему виду, – недовольно оборвал стажёра я.

– Мне мама говорила...

– Разговор закончен. Боцман, надеюсь мушкетон при тебе?

Курилка только кивнул мне в ответ.

– Ну вот и отлично. Через пару часов мы нанесём визит вежливости в «Раздавленное горло».

– ЧТО?! Но это же на задворках Серого квартала? – подпрыгнул на месте Ганс. – Это очень опасно! Нужно подкрепление!

– Вот поэтому мы и берём с собой мистера Стича.

* * *

Улица Четырёх мягких лап была известна в городе исключительно благодаря штаб-квартире Городской стражи. Прямая аллея, засаженная клёнами, упирающаяся в четырёхэтажное здание, похожее на торт со свечками, фонтан, изображающий старого короля на коне, да антикварная лавка – вот и вся улица. Именно сюда и подкатил наш экипаж.

– Встречаемся здесь через двадцать пять минут, – приказал я, похлопав лошадку по шее.

Стоило ли говорить, что Стич был на своём обычном месте. Прислонившись к стене возле двери в подсобку, он музыкально сопел, улыбаясь во сне и обнимая пустую бутылку из-под чего-то под названием «Ведьмина вода».

– Вставай, приятель, мне нужна твоя помощь, – сказал я, опускаясь на корточки, и чуть не вздрогнул от внезапно раскрывшихся глаз ветерана.

Уже через полчаса экипаж наш нёсся по кривым улочкам Серого квартала сопровождаемый подозрительными взглядами местной публики.

Стич всю дорогу храпел, распространяя вокруг ароматы перегара, а Шумахер старался оказаться от стражника как можно дальше, что в принципе было невозможно в тесном экипаже.

Да, Бенедикт пил. Почти постоянно. Вообще казалось, что он просто пропитался запахом спиртного. Однако винить его я не мог. Сам когда-то был близок к этому. К тому же для моей сегодняшней отчаянной вылазки он подходил как нельзя лучше. Почему? Потому что я не знал ни одного человека, у которого было бы сразу пять Отбивных – нагрудный знак, выдававшийся ветеранам за участие в ближнем бою, рукопашных схватках, где жизнь твоя ничего не стоит.

– Инспектор, зачем вы жуёте эту гадость? – спросил Ганс, указывая на новую палочку лакрицы в моей руке.

– Обещал дочери бросить курить, – улыбнулся я, вспоминая дочку, так любившую сидеть у меня на коленях. – Мне помогает. Отбивает желание, напрочь.

Пожав плечами, Шумахер на секунду замолчал, кинув взгляд на проносающуюся мимо грязные переулки, а потом снова ринулся в бой:

– А почему мы не сообщили ничего инспектору?

– Это же Гобкинс, – пояснил я, отодвигая руку спящего Стича от своего лица. – Ничего он не найдёт. До вечера будет изображать фонтан энергии, отдавать десятки приказов рядовым стражам, таскать для допросов всякую шелупонь, а потом скажет, что все варианты проверил и, к сожалению, преступление останется не раскрытым. Кстати, что там с вещами, украденными у гера Бильдельринга? Так, кажется, его зовут?

– Да, богатый юрист, имеющий свою контору на Проспекте Героев, – затряс головой стажёр, вынимая из нагрудного кармана маленький блокнот. – Вдовец, жил один. Прислуга описала его вещи так: серебряные часы-луковицы, играющие «Марш хромого ветерана», простое толстое золотое кольцо с инициалами и печатка с розовым драгоценным камнем. Кстати, в убийстве подозревают одну из его служанок, она бежала из дома, прихватив все вещи с собой.

– Из особняка что-то пропало? – спросил я, встретившись взглядом с Дворнягой – главарём подростковой банды, совершающей набеги на предместья.

– Сейф в спальне покойного оказался пуст, – почесал переносицу Шумахер, провозжая взглядом высокого черноволосого парня в красном камзоле, тащившим мешок с чем-то тяжёлым на спине.

– Вскрыт или открыт ключом?

– Видимых повреждений нет, – сверяясь с записями в блокноте, пояснил Ганс.

– Понятно. А служанка?

– Марта Бокен. Портниха. Родственников в столице нет.

За разговорами мы не заметили, как прибыли на место. Коричневая двухэтажная коробка таверны «Раздавленное горло» выросла перед нами словно куча конского навоза посреди улицы. Здесь собиралось большинство опасных преступников средней руки, чтобы промочить горло и перекусить. Здесь же они договаривались о своих будущих делишках. Достаточно опасное место, хотя настоящие главы преступного мира сюда не захаживали. Они обосновались двумя улицами далее, в «Фиолетовом особняке».

Выпрыгнув из экипажа, я сбросил плащ и снял треуголку с головы.

– Давайте сделаем всё по-быстрому, – наручники легли в мою ладонь. – Мне вечером с дочерью в театр идти. Не хочу опоздать.

Неожиданно бодрый Стич, вынув из ножен кривой клинок и маленький топорик, отправился за мной, а следом уже потянулся ухмыляющийся Боцман с внезапно вставшими дыбом бакенбардами и, побледневший от страха, шагающий механической походкой Шумахер.

* * *

Вся компания была в сборе. Два десятка хмурых типов с колючим взглядом, ковырявшихся вилками в тарелках, вылупились на нас, как только мы вошли в дверь. «И Трёхногий тут, – обрадовался я. Отлично, значит мой план должен сработать».

– Господа уголовники, побеспокою вас всего на пару минут!

Позади от смеха хрюкнул Стич, ногой вытолкнувший пустой стул в центр зала и ловко запрыгнувший на него.

Крепкий квадратный мужичок с редкими седыми волосами уставился на нас, поджав нижнюю губу.

– Мы тебя в гости не звали, Лис.

– Городская стража всегда приходит незваной, – отшутился я, кладя на стол перед местным авторитетом меч в ножнах. – Трёхногий, ты же знаешь, без дела я бы не зашёл.

– Ты тоже же знаешь, инспектор, мы своих не выдаём! – прорычал тот, подавшись вперёд и выплёвывая зубочистку.

– Знаю. Только если свой не подверг опасности остальных, – ответил я и пронзительно свистнул.

Тут же за спиной щёлкнул зажигалкой Боцман, поджигая шнур фитильной гранаты. Шипение бикфордова шнура наполнило зал тревогой и страхом. Страхом, который сгустился над нашими головами, а затем вызвал крики, стук и грохот опрокидываемых на пол стульев и столов

Мы словно снова были с курилкой на войне. Впрочем, так это и было. Только противник у нас был не в форме, с мушкетами и пушками, а многоголовая гидра с кастетами, ножами, полным отсутствием каких-либо принципов и с мерзкой ухмылкой на лице.

– Прекрати это! – ударил по столу раскрытой ладонью Трёхногий. – Кто тебе нужен?

– Мрак. Два дня назад он убил известного юриста ограбив его дом, а вчера его служанку, с помощью которой и провернул всё это дело.

Шнур продолжал трещать, прогорев уже почти наполовину. Нервно дёрнув щекой, авторитет повернулся к сидящему рядом скуластому мужчине.

– Танцор, тащи его сюда! И поторапливайся!

Буквально минуту спустя, подгоняемый пинками, к нам спустился тот, за кем я пришёл. С Гельмутом Боком мы были хорошо знакомы. В конце концов, именно я посадил его в первый раз за решётку.

– Лис, ты не сможешь доказать его причастность, – оскалился Трёхногий, указывая пальцем на сгорбившегося под взглядами братвы грабителя.

– Посмотрим, – произнёс я и одним движением кинжала, который выудил из рукава, разрезал широкий пояс на талии Бока. На пол упали два кольца, несколько золотых талеров и серебряные часы-луковицы, которые раскрывшись от удара заиграли хорошо всем знакомую музыку:

«Хромой ты? И что ж? Королю всё равно

Послужишь ещё ты, а после ещё...»

– Мрак, ты идиот! – меча молнии взглядом, прокричал авторитет, соскакивая на ноги. – Я тебе всегда говорил, что жадность тебя погубит! Доигрался!

Бок ещё больше сгорбился, превратившись из симпатичного смуглокожего парня в жалкую развалину.

– Извини, Трёхногий, я просто думал успеть...

Рукоятью меча, который уже был в моих руках, я нанёс убийце удар в затылок. Без звука тот рухнул на пол, а я, воспользовавшись этим, спокойно застегнул на его руках наручники.

– Что ж, рад был всех увидеть, но мне пора, – сказал я, забрасывая потерявшего сознание Мрака на плечо. – До встречи.

Недовольный ропот был заглушен смехом Стича, спрыгнувшего со стула за моей спиной.

– Лис, ты действуешь очень нагло! – взмахнув кулаком, бросил мне вслед Большой Зигфрид – среднего телосложения синеглазый блондин с глубоким шрамом на подбородке. – А ведь тебе есть что терять!

Сбросив на пол Мрака, который даже не очнулся, я быстрым шагом устремился в противоположную часть зала, где за столиком в окружении своих людей замер осмелившийся бросить мне вызов бандит.

Амулет защиты загудев засветился на груди Зигфрида, что вызвало усмешку на его лице. Предполагая, что я не рискну дотронуться до него, он даже приказал жестом своим людям расступиться.

Не тут-то было. Бам! Ударом ноги я выбил стул из-под его зада, а когда Зигфрид упал на пол, спокойно вцепился ему в грудки. Талисман мигнул раз, другой, затрещал и погас.

По таверне прокатился удивлённый вопль. В многоголосье я узнал тенор Шумахера.

Приблизив своё лицо вплотную к мгновенно вспотевшему преступнику, я впился в его глаза взглядом.

– Если ты ещё хоть раз подобное скажешь, я лично отчекрыжу тебе всё, чем ты так сильно гордишься! Запихну тебе в рот и заставлю прожевать. ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ?!

– Понял, понял! – с испугом запричитал преступник, не отрывая взгляд от умершего талисмана, наверняка стоившего баснословных денег.

* * *

Экипаж летел в центр города, подпрыгивая на колдобинах и выбоинах. В Сером квартале дорожные работы не велись уже много лет. Регент всё грозился привести тут всё в порядок. Но пока это оставалось лишь только на словах и бумаге, которая, как известно, всё стерпит.

– А как вы поняли, что...? – ожил оправившийся от нервного шока Шумахер. Налёт на бандитский притон, гранаты, угрозы – мальчик хорошо держался.

– У покойного слишком широкие запястья, и поэтому, чтобы скрыть эту деталь, ему постоянно нужна была белошвейка, которая хитро на живую подшивала рукава, так чтобы посторонним это было не заметно. Он же известный юрист, наверняка клиентами его являлись и аристократы. Всегда нужно выглядеть хорошо. Ты даже не представляешь какое значение они придают внешнему виду.

– Рукава костюма Бильдельринга были подшиты? Вы увидели это утром на причале?

– Да.

– А почему Мрак?

– Знаю его почерк.

– Но как вы связали девушку с юристом?

– Просто версия. Я увидел, что подушечки её пальцев исколоты иголкой, а на одном из пальцев есть следы напёрстка. Знаешь, когда долго носишь металл на теле, кожа немного темнеет. Сейчас-то всё больше на швейных машинках работают.

– Но их же убили в разное время! – взъерошив волосы руками, произнёс стажёр. – Я не понимаю!

– Верно, – кивнул я. – Но течение принесло их к пристани вместе. Шутка старой Мёрт.

– А талисман!? Почему он на вас не тронул? Я сам однажды видел, как такая штука, заряженная магией, защитила своего хозяина. Жутко!

Последний вопрос Шумахера так и остался без ответа.

Дождь хлынул потоком, как только мы покинули экипаж. В коридоре на втором этаже возле кабинета Гобкинса выстроилась вереница подозрительных типов всех мастей вперемешку с доставившими их сюда стражами.

Распахнув дверь, я бросил уже пришедшего в себя Мрака к ногам инспектора.

Выглянув из-за стола, тот с непониманием поднял на меня глаза.

– Что за чёрт! А это ещё кто?

– Это убийца герга Бильдердинга и Марты Бокен, тех самых бедняг, что рыбаки вытащили утром. У него и похищенные вещи при себе, проверьте, гер инспектор.

Пока Гобкинс сначала что-то там орал, а затем хохотал от радости, я выглянул в окно жестом отпуская Боцмана, который растворился в толпе так же быстро, как благодарность инспектора.

«Капризная Мёрт сегодня была необыкновенно щедр», – подумал я, разглядывая в окно видневшуюся между домов коричнево-зелёную ленту реки.

Стремительно, как это бывало и ранее, я забыл про выполненную работу и погрузился в грёзы, представляя себе сегодняшний вечер. Трупы, убийства, глупцы и преступники остались позади. Перед взором уже стояла лестница, покрытая красной ковровой дорожкой, маленькая тёплая ручка в моей ладони, белое пышное платье и высокая причёска моей красавицы, впервые выходящей в свет.

Глава 4. День святого Христофора

Задыхаясь от быстрого бега, Метель ворвался внутрь таверны и, бросив удивлённо поднявшему брови хозяину пару талеров, уселся в самый дальний угол заведения, так чтобы видеть главный вход, над которым висела голова красавца-оленья с огромными рогами, и чёрный выход, прикрытый застиранной рогожей.

Бросив на стол самозарядный арбалет и увесистый мешок с золотыми, грабитель, касаясь нервно подрагивающими пальцами рукояти пистолета за поясом, вытер пот со лба и окинул взглядом зал.

Как и ожидалось в «Весёлом аббате» царил непривычная тишина. Сегодня же день святого Христофора, а значит свой праздник отмечают доблестные стражи Висмарбурга (коих в столице немало, а иногда и вообще кажется спасения от них нет). В этот день традиционно все таверны и кабаки города пустуют, преступники берут себе выходной, а на улицах даже драки не затеваются. По какой причине? Так Городская и Ночная стража, как известно, тоже состоит из людей, а значит, приняв на грудь (как же не выпить кружечку другую, если повод имеется?), хранители закона могут сильно обидеться на тех, кто мешает им отмечать свой праздник. Костей не соберёшь! Магистрат ежегодно устраивает пир для цепных псов города, и выпивка там льётся рекой. Метель всегда мечтал заглянуть туда хоть одним глазком.

Поэтому план грабителя и удался. Не так, конечно, он всё планировал провернуть. Но ведь живой! И деньги при нём. Теперь, главное, дожидаться утра, а потом ищи-свищи его.

«Чего там хозяин не пошевеливается?» – раздражённо подумал Метель, сбрасывая мокрый плащ на пол. В глотке его от быстрого бега и волнения совсем пересохло.

Сбросив тяжёлые ботинки под стол, преступник бесцеремонно выставил ноги напоказ. Нежась в волнах тепла, он блаженно заулыбался. Запах сладкого «висмарбургского» напомнил ему о детстве. У него в Бамбергене – столице настоящего пива, варили такое же, только чуть более терпкое. Так, а это что?

Только сейчас Метель заметил, что в зале находится не один. Справа от него у камина за столиком сидела компания из пяти человек. Неторопливо потягивая ячменный напиток из пузатых стеклянных кружек, незнакомцы тихо переговаривались, не оглашая таверну ни криками, ни громким смехом. Да и вообще вели себя они скромно и незаметно.

«Неужели кто-то кроме него осмелился работать сегодня?» – подумал грабитель. А, может быть, им тоже пришла в голову идея совершить налёт тогда, когда его никто не ожидает, и сорвать большой куш?

Взгляд преступника опустился на мешок с монетами и поверхность стола, на которой тот лежал.

«Весёлый аббат» был приличным заведением, но, как и в других тавернах, чем дальше от выхода стол, тем он неказистее. Вот и тот, за который уселся грабитель, был истёрт тысячами рук, тёмн от капель жира, впитавшихся в поверхность и обгрызен. Нет, правда, обгрызен! Словно кто-то зубами обглодал край деревянной столешницы.

Бам! Наконец-то перед Метелью поставили кружку пенного, а рядом тарелочку, с сушёной рыбкой в медовом соусе, которую он просто обожал. Похрустывая мягкими косточками, преступник наслаждался схваткой солёного и сладкого у себя во рту.

Немного удивившись отсутствию симпатичных кельнерш (раньше-то грудастые прелестницы перелетали от столика к столику), Метель проводил взглядом широкую спину хозяина, остановившегося возле странной компании.

А ребята-то интересные. Грабитель расслабил ремень на талии, положив пистолет на стол рядом с арбалетом. За главаря у них явно вон тот мрачный зеленоглазый тип в дедовской треуголке. Почему Мрачный Метель не мог сказать, но был в этом уверен на все сто. Властные,

спокойные движения, скуластое, каменное лицо, а уж улыбающимся он и вовсе того не представлял. Чем-то этот тип немного напоминал грабителю его папашу, тот тоже был небольшим любителем тянуть губы в стороны.

Перемалывая челюстями рыбку, Метель вспомнил тот день, когда нашли останки его родителя в лесу. Возвращался поздно домой, вот и порвали их вместе с лошадкой серые. Нет, он не плакал. Папаша часто его поколачивал, да и титула «отец года» ему было не видать. Но всё же...

Именно тогда жизнь будущего преступника изменилась. Дом и землю продали за долги, а так как мамаша давно не объявлялась в их краях, его отправили в приют.

«Тихая гавань» была отличным местечком – серая крыша, влажный потолок и запах гнили в спальнях. «Вы мусор! Мусор, который должен знать своё место!» – любил повторять их директор герр Бокхеркам по прозвищу Жаба. С утра до вечера воспитанников хлестали розгами по спине и пяткам, вколачивая дисциплину и правила хорошего поведения. Не помогло.

В двенадцать лет Метель бежал из приюта с компанией дружков и начал свой вояж по улицам и подворотням. «Никому не доверяй, бей первым, дави слабых, не упускай выгоды!» Потихоньку-помаленьку и банду свою создал.

Бам! Ветка за окном ударила по стеклу, и преступник вздрогнул, разозлившись из-за этого на себя.

Сначала-то в Трирсе работали. Получалось неплохо. Метель тщательно планировал все операции, высчитывал время, каждое действие, добивался максимального результата без жертв. Вот только сам всё делать не будешь, а хороших подельников днём с огнём не сыщешь. В общем, после одного неприятного случая пришлось уносить ноги. Подался он с парой послушных ребят в столицу.

Напротив Мрачного, сложившего на груди руки, сидел жилистый доходяга со сломанным носом и короткой стрижкой. На поясе его в ножнах висел здоровенный тесак с красной рукоятью.

«Вот так вещичка!» – подумал Метель. Как-то он видел подобную у одного бродяги-военного. Тому, что свиней резать, что людей было без разницы. С такими грабителю всегда претило общаться. Этот, поди, такой же – тоже армейская душа.

Забросив ноги в изношенных сапогах на стоявшую рядом лавку, солдат, в отличии от своего товарища, широко улыбался. Словно шут на ярмарке. Хихикать, значит, любит? Был у Метели такой приятель. Плохо кончил.

Здесь в столице между братвой всё уже было поделено. Серьёзных дел никто тебе делать не давал. Хочешь подняться? Гни спину перед крутанами. А если не хочется... Так... мелочковкой всякой занимались. Трясли вон таких умников, как этот плешивый очкарик с книгой, рядом с солдатом. Этой публике только нож или пистолет покажешь, всё, готовы в штаны накласть.

Стукнув дном пустой кружки по столу, тем самым как-бы призывая хозяина наполнить её пивом, Метель потянул воздух ноздрями. Запах табака дурманил его.

Дымком тянуло от четвёртого соседа Мрачного – мужичка в цилиндре и с топорщащимися в разные стороны бакенбардами. Моряк, не иначе. Пенковая трубка будто к губе приклеилась, руки в карманах.

Рядом с морячком сидел молоденький юнец с рожей гладкой как у девицы. Студент, к бабке не ходи. Мелет что-то, не затыкаясь, а другие поддакивают. Вон задницей по твёрдой лавке елозит. «Привычен, поди, неженка к мягким кожаным креслам», – рассмеялся Метель, чувствуя, что наконец согрелся.

Грабитель вспомнил, что был такого же возраста, когда впервые убил человека. Неприятная история. Правда, жертвой его стал не бедняга, у которого отнимали кошелёк, а подельник, желающий оспорить его лидерство. Он навсегда запомнил это чувство и кровь на руках.

С тех пор Метель стремился работать головой, чтобы избежать рисков и тяжести наручников на запястьях. А также для того, чтобы никогда больше не испытать те неприятные ощущения.

Вот и сегодняшняя операция готовилась грабителем целый месяц, а сорвалась из-за глупости. Всё просчитав, перепроверив сотню раз, он мог избежать жертв, и этих денег им хватило бы надолго. Мог, но всё решила глупая случайность и чужой дрожащий на спусковом крючке палец. Господи, эти глупцы из казначейства и вооружены то были короткими дубинками да парой дамских пистолетов. Зачем же?...

Раздражение накатило на него, кровь ударила в лицо.

– Хозяин, чтоб тебя! – ещё раз стукнув кружкой о столешницу, да так, что она жалобно треснула, Метель, вдруг удивлённо поднял голову вверх.

– Привет.

Левая рука Мрачного приковала его запястье к поверхности стола так, что пальцы пленника успели только заскрести по рукояти пистолета, а правая, привычно сжавшись в кулак, ударила ему в челюсть. Что это был за удар! Словно каменная глыба врезалась в лицо грабителя, наполнив мир разноцветными блёстками. Тут же беднягу обступили товарищи нападавшего.

Уже теряя сознание, Метель увидел у мрачного типа в треуголке под распахнутым плащом, бляху стражи. Да нет, не только у него! У всех, кроме морячка в цилиндре, были металлические пластинки с изображением ворона на башне магистрата.

«Это надо же так попасть, – подумал грабитель, погружаясь в блаженное нигде. – И почему они не празднуют с остальными?»

Глава 5. Корнелиус Аддингтон

В зале за огромным круглым столом из орехового дерева собрались все офицеры Городской стражи Висмарбурга – тридцать инспекторов, и двадцать восемь младших инспекторов. Сержанты, количеством вдвое превышавшие старших офицеров, выпрямив спины сидели на стульчиках по стеночке удерживая на коленях головные уборы.

Инспектора были рассажены в особом порядке, ибо круглый стол был разделён на разноцветные сектора – золотой, розовый, синий, зелёный, белый и серый (в котором работал я). Каждый цвет соответствовал кварталу города, в котором мы работали.

Раньше такие сборища случались в «Мягких лапах» каждую неделю, но Мулине не любил переливать из пустого в порожнее и совещания собирались теперь раз в квартал. Зато шли по несколько часов.

– Господа, поздравляю вас. Статистика показывает, что за последние три месяца в Дождливом городе преступность немного снизилась, – произнёс начальник Городской стражи стоя за трибуной располагающейся под гербом города висящем на стене.

В зале раздались восторженные аплодисменты. Я воздержался от рукоплесканий. Радоваться особо было нечему.

Лучики света попадая в высокие стрельчатые окна смело резвились на бронзовом изображении города, над которым зависла грозовая туча проливающая ливень на улицы.

Обведя глазами подчинённых, Антон Мулине продолжил:

– Хочу сердечно поздравить инспектора Гобкинса с блестящим расследованием дела об убийстве герра Бильдельринга

Сидевший справа от трибуны в кожаном кресле Корнелиус Аддингтон громко кашлянул в кулак, и глава Городской стражи с лёгким раздражением добавил:

– ...а также убийства фрейлейн Бокен, конечно.

– Спасибо! Огромное спасибо! – Гобкинс взвился на ноги и раскрасневшись от удовольствия начал кланяться коллегам направо и налево. Я чуть поморщился. От толстяка воняло потом и чесноком.

– Также хочу поздравить инспектора Рафла с задержанием грабителей, покусившихся на золото казначейства, – хорошо поставленным голосом продолжил Мулине. – Блестяще. Наше искреннее уважение. Благодарность от Регента.

Поднявшийся с места доходяга с вытянутым лицом неловко поклонился. Звёзд он с неба не хватал, зато говорят был двоюродным племянником премьер-министра.

И снова овации, рукопожатия и завистливые улыбки инспекторов из Розового и Синего квартала. Как же они сумели упустить такую жирную рыбку? Ай-яй-яй.

Спустившись с трибуны, Мулине по своей давней привычке сложил руки за спиной, и начал прохаживаться вокруг стола. Здесь он выглядел уже не так величественно, как минутой назад на кафедре – субтильное телосложение, длинные руки с короткими пальцами, из-под парика, который был непременным атрибутом собраний, выглядывали пучки седых волос. А вот взгляд... иногда рассеянный, иногда унылый и отрешённый, но, если надо, пронизывающий до мурашек и холодный. Я всегда знал, что Антон был не так прост, как многим кажется.

– А теперь о неприятном, – указательный палец начальника Городской стражи взвился вверх, призывая присутствующих к вниманию, впрочем, все и так смотрели ему в рот.

Жест Мулине вызвал лёгкую улыбку Аддингтона опирающегося на массивную трость с рукоятью в виде готовящейся к прыжку легавой. Озорно подмигнув мне, старик еле заметно покачал головой.

– В нашем городе. Повторяю! НАШЕМ городе, пополнение. Несколько новых банд пытаются найти в Висмарбурге себе дом. В основном это всякая мелкая шушера с завышенной

самооценкой или тупые громилы, но есть и парочка серьёзных, внушающих опасение группировок. Давайте не позволим им этого сделать, господа!

Присутствующие активно зашептались и подались вперёд.

«Всегда будут банды с востока, юга, запада, Пращники, Копатели, Красные колпаки и Кромсатели», – подумал я, разглядывая паучка, некстати спустившегося по паутинке с потолка на плечо Мулине.

Начальник Городской стражи на секунду замер... а потом осторожно подхватил пальцами насекомое и отнёс его с к открытому настежь окну. Вот так раз. Удивил так удивил.

* * *

Дождик решил сделать перерыв, и мы с Корнелиусом Аддингтоном воспользовались этим. Да и как можно было упустить такую возможность? Воздух на краткий момент очистился от фабричного смога и стал свежим и прозрачным. Сели на сухо обтёртые передником официанткой стулья за маленький ажурный столик и заказали по куску яблочного пирога. Легенда Дождливого города попросил кофе со сливками, а я крепкий чай, такой же как пили у меня на родине.

Помешав изящной ложечкой в чашке, старик, улыбнулся глазами:

– Как Клара?

– Замечательно, – не смог сдержать губы, расплзающиеся в стороны и я. – Недавно вспоминала про вас.

– Не видел её уже больше месяца, – кивнул проходящему мимо солидному господину Аддингтон. – Соскучился. Заеду на выходных, с подарком.

– Будем ждать.

Люди обрадовались ясной погоде и высыпали на улицу. Отовсюду раздавался хохот и радостные крики.

– Не обидно, что все твои заслуги достаются другим?

– Нет, – помотал головой я, наблюдая за прыгающими по лужам детьми. – Лишь бы они мне не мешали.

Аддингтон рассмеялся своим фирменным смехом – словно где-то вдалеке зазвонили колокольчики.

– Узнаю старину Эмиля. Ты уже почти восемь лет в Городской страже, а всё ещё младший инспектор. Давно перерос Городскую стражу. Тебе нужно служить у Мальдини.

– Какая разница? – замерший позади приличной фрау воришка, с шарфом, обмотанным вокруг шеи, встретился со мной взглядом и того словно ветром сдуло.

– Огромная Эмиль, огромная. Мулене... он неплохой человек. Тогда он взял тебя не задумываясь, а ведь был риск. Поверь, Антон ценит тебя, но ничего не может сделать. Правосудие у нас в городе – это бизнес. И как правило семейный. А вот Мальдини, он один из них, – рукой старик показал на небо.

– Хочу держаться подальше от особ в жилах которых течёт голубая кровь. Целее буду, – уверенно произнёс я, отправляя в рот ложку ещё тёплого лакомства.

– Тогда ты никогда не сможешь очистить эти улицы. Сам знаешь. Ночная стража, это совсем другая история.

Аддингтон был большим сладкоежкой и пирог исчез с тарелки всего через минуту. Даже и не скажешь, что вот этого забавного дедка, собирающего крошки с тарелки, почти двадцать пять лет боялись все криминальные авторитеты Дождливого города.

– Всё ещё работаешь с этим... как его? Боцманом? – безукоризненно белый платок промокнул потрескавшиеся губы.

– Да, мы крепко связаны.

Старик вздохнул и хлебнул из чашки кофе.

– Боевое братство самое крепкое. Кстати, слышал ты приобрёл себе домик в районе где проживают русландцы? Как тебе удалось они же вроде чужаков не принимают?

Скрыть, что-то от Корнелиуса было просто невозможно. Впрочем, я не пытался. Не такие у нас были отношения.

– Оказал старейшине ценную услугу. И вы забыли мама Клары наполовину...

– Ах, да точно! – Аддингтон досадливо топнул ногой по мостовой. – Старею Эмиль, прости. Забыл, что эта стерва вроде как из Русланда. Хотя я в этом не уверен.

«Да нет, не забыл», – подумал я. Просто хотел проверить мою реакцию, когда я вспомню о Даше.

– Я тоже, но по документам...

– Не будем об этом.

– Хорошо.

Бросив на столик несколько мятых бумажных марок бывший старший инспектор поднялся со своего места потеряв пальцами поясницу.

– А вообще умно. Эти северяне чужаков не жалуют. Преступность в их районе стремиться к нулю. Там вы в безопасности.

– Знаю.

Поймав на раскрытую ладонь крупную каплю упавшую с неба Корнелиус Аддингтон неожиданно взглянул на меня почти что с мольбой:

– Эмиль, без нужды не рискуй пожалуйста и не ссорься с начальством.

Надвинув треуголку на лоб, я застегнул последнюю пуговицу плаща.

– Вы же знаете мне плевать на всю эту мишуру. Главное, чтобы этих гадов стало меньше, а на улицах спокойнее. Хочу, чтобы моя дочь и другие дети росли в безопасном, счастливом городе.

– Знаю Эмиль, знаю, – бросил старик напоследок останавливая кучера. – Поэтому и уважаю тебя.

Глава 6. Вдовец

Я лениво смотрел в окно, выходящее на задний двор управления где двое стражей выводили из служебной кареты задержанных в кандалах. Вот один из преступников попытался вырваться и тут же был сбит с ног и получил удар дубинкой по спине. А затем ещё и ещё. Крупные прозрачные капли, падая с неба ударялись о жестяной отлив и разбиваясь на мириады частичек оседали на стекле, превращаясь в дорожки слёз стекающие вниз. Они словно пытались смыть сцену, которую я увидел.

Гобкинс нависнув над Бруни орал на письмоводителя и архивариуса так, что слюни разлетались во все стороны. Похихикивая, от чего плечи мелко подёргивались, рядом замер его дружок инспектор Рафл – тот самый доходяга с лошадиной мордой присвоивший себе преступление Метели.

– Да ты обыкновенный писака! Твоё дело бумагу марать, а не советы раздавать, убогий! – вопил толстяк, хлопая ладонью по столу, за которым сторбился Христиан. Аккуратно разложенные в стопочки листки, исписанные красивым каллиграфическим почерком, разлетались во все стороны.

– Я просто хотел быть полезным...

– Да чем ты можешь быть полезным чернильница лупоглазая?! – плеснул желчи Рафл поддерживая коллегу.

– Уже полгода как Фонарщики и Кромешники заключили договор и разделили территорию, – наклонившись Бруни начал собирать разбросанные по полу бумаги. – А значит нужно проводить не две маленькие облавы на них, а одну большую. Это будет эффективнее и...

Гобкинс зарычал и с силой пнул стул письмоводителя. Мебель взвилась в воздух и врезавшись в противоположную стену с треском развалилась на куски.

– Я пришёл за ордером, подписанным Мулине, а не за советами лузера пропитавшегося пылью никому не нужных бумажек, – швырнул напоследок Гобкинс поднимаясь по лестнице вверх из подвала.

Наблюдавший всю эту сцену Шумахер поднял брови цвета пшеницы вверх, наморщил нос и тихо произнёс:

– Да уж, по-моему, у инспектора хромает логика.

* * *

Я терпеть не мог эту тошниловку из-за запаха прогорклого масла, грязных полов на которых валялись куски засохшей еды и ещё более грязных столов облокотившись на которые ты мог измарать одежду так, что никакие прачки её никогда бы не отстирали. Однако в жизни не всегда всё пахнет цветочками лаванды и блестит чистотой. Я это знал.

– Значит Фестиваль в городе? – задумчиво произнёс я, разглядывая тащившую что-то к себе в убежище мышь под соседним столом. – Давно жду его.

– Да, инспектор и сегодня в полночь у них крупная сделка. Вся его банда будет в сборе. Редкий случай. Зуб даю! – ощерился редкозубым ртом Пешка.

– Посмотрим, – принял решение я, поднимая взгляд на замершего рядом типа начавшего свой преступный путь с убийства собственного брата.

– Начальник, может за ценную информацию мне премия положена?

– Положена. Поэтому ты всё ещё на свободе.

Не расстроившись, ибо произнесённые мной слова были чистой правдой, преступник хлебнул из кружки пива, пролив несколько капель на грудь, и спросил.

– А Гобкинсу что мне доложить?

– Как всегда. Что-то многообещающее, но не слишком обременительное. Ты и сам знаешь, что он ценит.

– Ну да, ну да, – приснул в кулак осведомитель, подмигнув мне.

* * *

– Я? Почему я? – забегал по кабинету Ганс каждый раз огибая спящего посередине помещения Стича, который теперь прописался у меня сменив лежанку под лестницей на кресло с кожаным сидением.

Запах перегара конечно никуда не делся, зато ветеран всегда был под рукой и теперь не только пил, но и ел.

Стажёр был не столько испуган, сколько взбудоражен новостью.

– Потому что всех остальных Фестиваль знает, а ты новичок.

– Так и то мне надо? Сменить одежду, выучить несколько фраз типа...

– Ничего не надо, – улыбнулся я. – Просто отдай мне бляху стажёра и будь собой. Ты студент, который пришёл приобрести марафет для своих товарищей, празднующих окончание курса.

– Марафет? А, кокаин! Понятно. А оружие? – с надеждой спросил стажёр, заглядывая мне в глаза.

– С собой и будь готов применить. Только лучше оставь свой пистолет и возьми мой, – сказал я кладя перед Шумахером свой «Майский жук» с коротким дулом для скрытого ношения.

– Вы будете снаружи? А кто будет со мной внутри? – немного побледнел Шумахер. – Вдруг я что-то не то ляпну, и они меня раскусят? Я конечно не боюсь, но...

– Боишься, и правильно делаешь, – присел рядом с дрожащим от возбуждения Гансом я. – С тобой пойдёт Бруни.

– КТО?! – закричал стажёр от чего Стич вздрогнул и на пару секунд перестал храпеть. – Письмоводитель?

– Да.

– А какой от него толк-то? Он же... – вовремя осёкся Ганс. – Он же с бумажками всё...

Чуть помедлив, я пояснил:

– Ты плохо его знаешь парень. Поверь он может за себя постоять. И вообще это ДОЛЖЕН быть именно он.

* * *

Все были на своих местах и рядовыми стражами руководил сержант Галгарпер – самый башковитый служака Серого квартала.

«Четыре пальца» – ещё одна тошниловка (но не для всех и каждого) поднималась над серыми, мокрыми домами всего в двухстах метрах впереди. Ближе подходить нельзя, а то местные предупредят Фестиваля и всё пойдёт прахом.

Тонкая ниточка влаги с карниза угодила мне прямо за шиворот. Вот только я этого даже почти не заметил так как интуиция бросила меня вперёд.

Бам! Бам! Бам! Бам! Внутри четырежды выстрелили и я, перепрыгивая через кучу навоза засвистел в свисток отдавая приказ сотрудникам правопорядка, замершим вокруг таверны.

Стража выбила двери и ворвалась внутрь помещения положив на пол застигнутую врасплох братву.

На втором этаже, возле стола из красного дерева с витыми ножками, которому здесь явно было не место, в нелепых позах, с зажатым в руках оружием, валялось четыре трупа в головах которых были проделаны аккуратные маленькие дырочки.

– Ну как ты? – положил руку на плечо Шумахеру я, чувствуя возбуждение стажёра.

– Он... он, Бруни... он их застрелил... и так ловко! Чёрт! Мне бы так стрелять гер инспектор! – глаза Ганса сверкали от азарта.

Похлопав парня по плечу, я протянул ему фляжку с крепким вином.

– Я же говорил, что в случае чего он может постоять за себя.

Хлебнув и закашлявшись выпалил Ганс кивая на письмоводителя неподалёку:

– Да, но я не думал... а у этого вот тоже амулет защиты...

Бруни безучастно стоял возле окна сложив руки за спиной и что-то тихо напевал под нос.

Прислушавшись я разобрал слова детского стишка:

Мы сожмём в ладошках утро

Вставим сверху лучик света

И стачаем из рассвета парус дымчатого цвета...

– Что случилось?

Поправив на переносице круглые очки, мужчина чуть сморщил лоб и пожав плечами ответил:

– Они узнали нашего юного друга. Видели его на днях вместе с вами на площади.

– Дьявол! – ругнулся я, понимая, что в произошедшем виноват только сам.

– Не казните себя Эмиль кто же мог знать, – словно прочёл мои мысли Христиан. – Всё хорошо. Жаль только вам не удалось арестовать Фестиваля.

Коснувшись носком ботинка головы рыжеволосого преступника (пальцы рук которого были унижены разнокалиберными кольцами и печатками) десяток лет бывшего монополистом в своей сфере, я пожал плечами и сказал:

– Ну тоже результат. А из дружков его я душу вытрясу, обещаю. Всё расскажут. Никуда не денутся.

* * *

Повозка подсакивала на мостовой, а Брусничка опять недовольно косилась на меня. Шумахер слушал меня с открытым ртом стараясь не упустить не единого слова.

– Десять лет назад, во время последнего крупного наводнения в дом Христиана ворвалась банда мародёров, которая убила его детей и жену. Их так и не нашли.

– Кошмар! Я не знал, – щёлкнув зубами произнёс стажёр. – Он тоже пострадал?

– Сам Бруни в этот момент был на службе.

– В Городской страже?

– Нет, – помотал головой я. – У него было хорошее место в муниципалитете.

– Ничего себе. А дальше что?

– Две недели после произошедшего он не появлялся на работе и его уволили. Похоронив родных, Бруни продал хороший, но напоминавший ему о трагедии дом, и переехал в центр в небольшую квартирку на чердаке. Мы какое-то время были с ним соседями. Хоть он и не знал.

Одетый в непромокаемый плащ страж на перекрёстке отдал нам честь помахав рукой вслед.

– Зачем? – не упустил повествования Шумахер от волнения вцепившись в мой локоть.

– Он подал документы в Городскую стражу. Хотел стать инспектором. Высшее образование, престижный диплом могли помочь ему в этом.

– Но он же...

– Да его не взяли в инспектора. Даже в стажёры. Здоровье, зрение. Ещё кое-что. Тогда он согласился на ту должность которая была свободна.

Пожевав губами и потеряв острый подбородок Ганс снова взглянул на меня:

– Понятно. А стрелять-то где научился?

– Брал уроки у какого-то ветерана из Лафетного переулка. Кстати двуствольные пистолетики, которые ты видел он приобрёл у тамошних умельцев. Самodelки, но хорошего качества в чём ты сам мог убедиться.

– Пули волшебные?

– Не знаю. Но если так, то влетели они ему в копеечку.

Повернув в Свечной переулок мы через минуту оказались в «Мягких лапах». Вскоре я остановил повозку и выпрыгнув из неё разбрызгал в разные стороны воду из луж на тротуаре.

Шумахер ещё некоторое время сидел внутри о чём-то думая. Треуголка (которую он носил, стараясь быть похожим на меня) сдвинутая на затылок намокла, но парень этого будто не заметил.

– Да уж, история. Умнейший человек и блестящий аналитик к сожалению, занимается у нас ерундой.

– Это не наше дело, – сказал я, направляясь к лестнице главного входа. – Он взрослый человек и разберётся сам. За мной!

Я точно знал, что сейчас, в своём подвале, вздохнув, Бруни взял перо, обмакнул его в чернильницу и открыл огромный том в котором записывал сводки ежедневных преступлений, произошедших в городе.

А ещё я был готов поклясться, что на губах вдовца появилась лёгкая еле заметная улыбка, что свидетельствовало о том, что он стал немного счастливее чем был вчера.

Глава 7. Пересечь линию

Я с большим удовольствием собирал светлые волосы дочери пальцами заплетая их в тонкие медовые косички. Эти драгоценные минуты, когда она на стульчике сидела напротив зеркала передо мной, я не променял бы ни на что на свете.

– Пап, – шмыгнув носом произнесла Клара звонким голосом, от которого у меня побежали мурашки по спине. – Вчера приходили соседские мальчишки и хотели со мной познакомиться, но фрау Хубер на них прикрикнула, и они сбежали. Разве мне нельзя с ними общаться?

– С соседскими мальчишками можно. Разрешаю.

Сыновья Владислава были парнишками неплохими и добрыми. К тому же младший был всего на пару месяцев старше моей дочери.

– Но фрау Хубер сказала, что они не подходящая компания для такой молодой фройлейн как я, – с обидой пожаловалась Клара.

– Хм, фрау Хубер умная женщина, но возможно она немного ошибается, – улыбнулся я, представив, как соседские пацаны уносят ноги прочь от их гувернантки. – Хотя... если они так легко сбежали возможно и не слишком хотели познакомиться с тобой.

– Ты так думаешь? – задумчиво спросила Клара

– Да.

Разглядывая лицо дочери в поверхности зеркала, я вспоминал её первое слово, робкие самостоятельные шаги, тот самый первый раз, когда ручки малышки обвили мою шею, после возвращения домой со службы.

– Папа, а какая она была наша мама? – в тысячный раз спросила Клара, не двигаясь и прямо держа спинку.

– Красивая.

– А она меня любила? – дважды моргнула глазами дочь и мне даже показалось, что уголках глаз малышки застыли слезинки.

– Больше всего на свете, – ответил я, уверенно развеивая её сомнения.

– А тебя?

– И меня, – вздохнул я.

– А если бы она не умерла у нас было бы всё хорошо?

– А разве сейчас у нас всё плохо? – наклонившись вперёд я поцеловал дочь в правую щёку вдохнув её запах.

– Нет, я не об этом, – чуть мотнула головой Клара из-за чего я упустил один из кончиков и начал заново. – Всё бы было также хорошо... но по-другому.

Дочь спрашивала, я отвечал, а на сердце скребли кошки. Ведь больше всего на свете я терпеть не мог лгать.

* * *

Зайдя в Управление, я не стал подниматься к себе на четвёртый этаж (в кабинет с раскошейся дверью и треснутым стеклом), а пересёк фойе пол которого был покрыт чередующимися чёрно-белыми квадратами, словно всё мы пешки в чьей-то игре, и сильнее надавив на ручку со скрипом раскрыл дверь, которую не пользовались уже много-много лет. Некоторые мои коллеги опешили и замерли за моей спиной с грацией соляных столбов.

На противоположной стене Тревожного зала располагалось гигантское панно из искусственного камня изображающее наш город, заливаемый потоками ливня и человека в форме стража (такую уже лет двести как никто не носит, и она пылится в кабинете Мулине за стеклом стеклянного ящика как экспонат) храбро забравшегося на тучу и обрезающего огромными ножницами нитки смертельного дождя, угрожающего горожанам.

Под композицией, на почётном месте, висело бронзовое било, в которое по легенде коло-тил самый первый страж поднимая на бой поселенцев, подвергшихся ночному нападению врагов. По мне так это всё сказки, ибо кусок металла выглядел не старше трёхсот лет.

Взяв в руки увесистую колотушку, рукоять которой была тщательно обмотана кожаной лентой, я заколотил в раритетный экспонат призывая в зал своих коллег и братьев.

* * *

В самых сложных, опасных ситуациях стражи могли обратиться за советом и помощью к своим братьям. Да, да именно братьям, ведь когда-то давно Корпус стражей был чем-то вроде религиозного ордена с собственной религией служения народу. Это уж потом он развалился на две самостоятельные организации и потерял свою веру, вместе с сплочённостью, взаимовыручкой и бескорыстным служением. Напомнить о прошлом – именно для этого и существовал Тревожный зал с его историей, и «золотой линией» собранной из пластинок настоящего золота.

Все без исключения стражи, не нёсшие службу, собрались здесь. Они были так близко и одновременно так далеко от меня. Всего-то в тридцати шагах, но по ту сторону понимания и согласия.

– Я не сумасшедший и туда не поеду! Нам там конец! – истерично орал Гобкинс и многие в толпе кивали ему в унисон. – Инспектора за пределами города, да ещё и в Геенне?! Нет уж, увольте!

Стараясь не повышать голос, я пояснил:

– На допросе люди Фестиваля заявили, что их главарь прибыл в Висмарбург не просто так. Мерзавец привёз огромную партию своего товара и ещё кое-что.

Начальник Городской стражи, одетый с иголки и с каменной физиономией, скрестив руки на груди замер возле стены внимательно наблюдая за мной.

– Именно это тебя и интересует Эмиль? – проникнув в самую суть спросил он.

Не опустив взгляда, я пожал плечами стараясь сделать это как можно равнодушнее:

– И это тоже.

– А что удалось узнать об этом грузе?

– Они называют его посылкой. Что внутри не известно, так как близко никого туда не подпускали, но товар привезён в город по заказу Щекастого.

– Щекастого? Главы банды Пращников которого ты убил? Тоже мне птица! – снова заорал Гобкинс прохаживаясь туда-сюда вдоль «золотой линии» на полу делящей помещение на две равные части.

Мулине словно не заметил истерики инспектора продолжая изучать меня.

– За последний год, он серьёзно поднялся. Это правда. Думаешь планировал играть во взрослые игры?

На это мне начальнику ответить было нечего поэтому я просто пожал плечами и снова обратился к стражам, замершим слева от меня.

– Разве мы не должны служить и защищать? Неужели не найдётся несколько человек, что отправятся со мной в Геенну чтобы уничтожить товар Фестиваля? Отраву, которую он снова привёз в наш благословенный город?

В зале наступила тишина, но ни один из коллег так и не пересёк «золотую линию», проведённую строителями посередине Тревожного зала. Ведь это означало признание моих аргументов и вызов, ставкой в котором будет собственная жизнь, брошенная судьбе.

– Любопытство – это грех! – неожиданно нарушил тишину инспектор Фрус из Розового квартала отлепившись от стены. – Бюлов, просто хочет втянуть нас в какую-то авантюру.

Этому напыщенному прыщу в чёрном шёлковом камзоле, я дороги никогда не перебежал, но неприязнь возникшая между нами сразу стала очевидна. Маменькин сынок и генеральский отпрыск слишком много о себе мнил.

– В чём же тут авантюра? – сделал я удивлённый вид и даже руки развёл в стороны. – Брошенные наркотики растащат мелкие оптовики и они вскоре заполнят улицы. Новые преступления тоже не заставят себя долго ждать, как только дурь попадёт в их кровь. Мой вариант предусматривает уничтожение груза без его переноски.

– А загадочная посылка? – сощурил глаза Фрус.

– Её конечно тоже заберём, – пояснил я, скрестив взгляды с инспектором.

По толпе пробежал шепоток. Кто-то даже предлагал поддержать меня.

– За стенами куча отморозков, обвешанных магическими штучками, – охрипшим от волнения голосом вмешался в наш разговор Рафл. – Соваться туда без специалиста безумие.

Последние слова лошадиная морда произнесла с настоящим страхом. Его фобии всем были хорошо известны. Чистоплюй никогда не выезжал на преступления в которых была замешана магия.

– А у меня есть знакомый теург и он отправится с нами, – выложил я последний свой козырь.

В зале раздались удивлённые возгласы. Некоторые стражи, те что помоложе, даже сделали несколько шагов вперёд.

– И кто этот теург? – картой на карту ответил Фрус.

– Регина Колд, – произнёс я, зная какую реакцию вызовет произнесённое имя.

Под сводами Тревожного зала пробежала волна недовольства и возмущения.

– Та самая конченная сука, что в прошлом году чуть не сожгла Регента, а в позапрошлом подожгла порт? – рассмеялся Фрус делая вид, что аплодирует мне ладонями, обтянутыми в дорогие лайковые перчатки.

– Её вина не была доказана и поэтому она на свободе, – оборвал его я.

– Просто наш герцог слишком добр, – сорвалось с губ инспектора.

Щёголь поймал неодобрительный взгляд Мулине о герцоге и тут же прикусил язык.

«Это мой шанс!» – подумал я, набирая в лёгкие воздух.

– Мы не просто служители закона. Вы что забыли? Мы отдельное сословие! Разве не наша задача...

Внезапно громко под сводами зала застучали каблуки сапог, и справа от меня встал Стич. Неожиданно трезвый и без извечной улыбки на губах. Кивнув ему, я увидел остановившегося рядом Христиана Бруни, а затем торопившегося к нам Шумахера. Парнишка умудрился запнуться за «золотую линию» и, если бы я не подхватил его растянулся бы по полу. Прихлебатели Фруса, Гобкинса и Рафла надсадно рассмеялись. Впрочем, поддержки особой они не снискали слишком серьёзные события разыгрывались на их глазах.

Однако сюрпризы на этом не закончились. «Золотую линию» один за другим пересекли трое рядовых стражей из Серого квартала (каждого из них я знал по имени), и парочка сержантов из Синего. Особенно я был рад видеть Галгарпера смешно шевелившего усами.

Когда уже все решили, что на этом конец из толпы лениво вышел младший инспектор Кавана из Зелёного квартала по прозвищу Бигуди. Я работал с ним пару раз и несмотря на его одержимость своим внешним видом (сетка для волос в которой он мог расхаживать по коридорам управления, завитые усики и борода), парень был весьма толковый.

– Слово сказано. Выбор сделан! – произнёс Мулине и ударил в било колотушкой. Многие вздрогнули и своды зала наполнил тревожный металлический звук.

* * *

От щедрот Городского дозора нам выделили огромную карету с решётками на окнах, обитую стальными листами. Не крепость конечно, но и не хлипкий тарантас.

За воротами Управления нас ожидал Боцман с мушкетером на плече и среднего роста миловидная зеленоглазая женщина с русыми волосами перевязанными изумрудной лентой и собранными в пучок на затылке.

Одежда её казалось с первого взгляда кричаще вульгарной, но при внимательном изучении оказывается была сшита из дорогих тканей. Таких и не в каждой лавке на Центральной улице найдёшь.

– Здравствуй Регина, – приветствовал её я, коснувшись пальцами треуголки.

– Давай без глупых любезностей, Лис, – поджала недовольно губки теург, распахивая дверь. – Знаю, я тебе должна. Возвращаю долг и свободна на все четыре стороны. Так?

Глава 8. Студент

По телу моему пробегала нервная дрожь, но это был не страх. Ну хорошо! Страх тоже, но больше всё-таки возбуждение от предстоящего. Я еду в Гиенну! Разве мог я даже представить, что окажусь там! Нет, отец ты был прав, врач, это совсем не так интересно, как инспектор стражи. Мигрени, запоры, градусники, касторка, совсем не так здорово, как расследования, погони и негодяи за решёткой.

В бронированной карете, которую стражи почему-то называли катафалком нас ехало одиннадцать человек. Напротив, меня замерли: сержант Галгарпер – чрезвычайно серьёзный дядька с шикарными усами (надеюсь и у меня такие когда-нибудь вырастут), сержант Верба – страж из Белого квартала с вечно прищуренными глазами отчего выражение его лица настояжало окружающих, постовые Пибоди, Тимс и Рассада. Я хорошо знал только первого и последнего. Пибоди – сорокалетний дядька с золотисто-кариими глазами и широким лбом пользовался уважением товарищей, но не расположением начальства. Работу свою делал хорошо, но без должной торопливости, кланяться тоже не любил. Говорил спина не гнётся.

Рассада был отвязанным, весёлым типом с непослушной русой чёлкой частенько работающим с одноруким герром Бачковским – начальником отдела Слежки. Говорят, от его наблюдения невозможно было уйти, а самого заметить просто нереально. Не зря на лацкане мундира он носил серебряный значок, изображающий открытый глаз. Я видел, как герр Мулине скривился, когда увидел, что Рассада последовал за инспектором. Наверное, жалко стало терять такого специалиста.

Да, ничего с нами не случится! Эмиль Бюлов лучший страж Дождливоего города об этом знают все постовые, сержанты и... преступники. И я.

Карета подпрыгнула на мостовой из чего я сделал вывод, что мы въехали в Серый квартал. Пересекём его, выедем за стену, а там уже самое интересное.

Что-то я отвлёкся. Справа от меня спал Стич нахрапывая что-то драматическое. Вчера я купил конфеты с ромовой начинкой мадам Беду – младшему секретарю Мулине и она такого мне про него порассказывала. Оказывается, ветеран спас шесть лет назад регента и поэтому может спать в Управлении где хочет и как хочет. Пьяным, драным, ему и слово никто не скажет. Нет, ну как этот доходяга в одиночку мог убить пятерых человек? Он же поди и физическую форму свою не поддерживает. Не то что я! Бегаю по утрам, боксирую с мэтром Лабганди, гирию поднимаю!

Чуть далее умудряясь читать в свете горящей лампы располагался герр Бруни. Удерживая книгу тонкими пальцами, писмоводитель был погружён в себя и не замечал ничего вокруг. Впрочем, тогда, при встрече с Фестивалем мне показалось также.

В самом углу кареты, пристёгнутый за кандалы к кольцу на полу, сидел Метель. Чуть растерянный взгляд светлых глаз, губы плотно сжаты будто сейчас расплечется. Хотя возможно это всё игра. Он может. Честно, не понимаю зачем его с собой взяли.

Новая колдобина и лошади снаружи заржали. Брусничка, наверное, нас всех ненавидит. Ей ведь приходится тащить тяжеленую карету, да ещё в компании трёх товарок. Она терпеть этого не может.

С другой стороны, от меня, закинув ногу на ногу сидел Боцман. Странный тип. Вот я ни разу не слышал, чтобы он говорил. Не единого слова. Вроде бы они вместе с герром Бюловым служили в армии. Но почему тогда он Боцман? Командир точно служил не на флоте.

А вот Кавану я знал хорошо. Бигуди был буквально моим соседом. Бабник и баламут. Напомажет волосики свои и усишки бриолином и расхаживает. Тьфу! Сидит мечтательно улыбается. Небось фантазирует как будет рассказывать прекрасным дамам о своём подвиге в Геенне. Честное слово, и без него бы управились.

Настоящего теурга я видел впервые. В городе магия вообще была в принципе под запретом, и теурги использовались властями как контрсредство против нарушителей указа. К тому же применяли их таланты крайне осторожно. В последний раз чуть половину Золотого квартала не подорвали. Это вам не герои сказок с волшебными палочками – это огонь в венах и молнии в глазах. Магов никто не любит. Одно хорошо, их так мало, что некоторые о них и не знают вовсе.

Раз за разом я останавливался взглядом на разрезе платья в котором было хорошо видно стройную ножку в сапожке. Симпатичная. Правда маменька бы моя назвала её другим словом. Ай!

Платок торчащий из кармана вспыхнул и я, вырвав его растоптал горящую материю подошвой ботика. С улыбкой наблюдая за моими действиями Регина погрозила мне пальцем.

– Тпррру! Стой! Приехали! – закричал снаружи гер Бюлов, и карета остановилась, из-за чего я чуть не полетел головой вперёд в тиурга, но в последний момент, вроде бы спавший Стич, удержал меня.

– Отодвинув задвижку я увидел развалины старого порта. Значит всё приехали. Геена! Глазам своим не верю!

– Выходим и вооружаемся! – бросил повседневно Стич выпрыгивая из лязгнувшей засовом двери.

А сам он вооружаться не собирается? Нож и топор, это всё? Ему достаточно?

В задней части кареты был выкрашенный в красный цвет ящик на огромном замке. Внутри хранилось оружие. Здесь были ножи, кастеты, короткие дубинки, пружинные арбалеты, пистолеты, мушкетоны, даже парочка гранат.

– Ух ты! – сбил дыхание я от восторга, увидев такое разнообразие. – Не зря я бросил медицинский.

– Ну чего застыл студент? – подмигнул мне Рассада, рассовывая заряды для затворного «ле-фамовского» мушкетона по карманам. – Не стесняйся, вооружайся.

Заставлять меня было не надо. Я взял один из колесцовых пистолетов с длинным дулом, кинжал с треугольным лезвием и протянул было руку к гранате, но нахмурившийся Галгарпер ощутимо шлёпнул меня по руке.

– Отскочь! Мал ещё такими штуками играть. Не хочу, чтобы ты в суматохе себя или нас подорвал. Пули бери лучше и брикеты с порохом.

А вот Тимсу – смуглому брюнету, выходцу с далёкого юга, с татуировкой ворона на запястье, он чугунный кругляш взять разрешил.

Теург, как только вышла из кареты тряхнула головой, отчего волосы, закреплённые на затылке, рассыпались по спине. Прикрыв на мгновение веки, она сказала:

– За нами наблюдают. Магические амулеты я тоже чувствую. Несколько. И ещё кое-что. Лис ты позвал меня не зря.

Гер Бюлов пожал плечами, а затем, по своей привычке, неторопливо стянул с себя плащ, снял треуголку и забросил одежду на лавочку внутрь кареты.

– Значит все вернёмся домой.

Только сейчас я понял, что отступать некуда. Адреналин бодривший меня всю дорогу улетучился, а вот чувство страха никуда не делось. Коленки предательски задрожали. Чтобы никто не заметил я сделал вид, что присел и проверяю шнурки на ботинках.

Оглядевшись теург упёрла руки в боки и повернулась к Галгарперу:

– Сержант, найдите мне что-то напоминающее щит. Можно даже из дерева.

Уже через пару минут в руках у женщины был импровизированный горгионий состоящий из плотно сбитых друг к другу досок, крепящихся к металлической трубке-ручке.

Регина закрыла глаза и двумя руками крепко сжала щит. Теург вздрогнула, я прямо видел, что магия причинила ей физическую боль, а поверхность щита засветилась болотно-зелёным цветом. Ну прямо в цвет глаз ведьмы.

– Сделай нам по такому же, – ощерился Рассада, постукивая себя по ноге мушкетером.

– Умный? – женщина обожгла стража взглядом.

– Не жалуюсь.

– Щит работает только в моих руках, – побелевшими губами произнесла теург. – От моей энергии. Понял?

– Да понял я, понял. Не искри.

– Прячьтесь за мной если что, – устало бросила через плечо Регина.

Подошедший к женщине гер Бюлов протянул ей свой маленький пистолетик с двумя стволами.

– На всякий случай.

Молча спрятав оружие в складках юбки, та указала острым подбородком на выглядывающего из кареты Метель. Глаза грабителя горели любопытством.

– А зачем нам этот уголовник?

Щёлкнув ключом, инспектор отстегнул преступника от цепи.

– А он нам покажет тайник Фестиваля. Он с ним работал. Да ведь, Метель?

Глаза арестанта выражали искренний страх.

Глава 9. Стажёр

Геенна когда-то была частью Висмарбурга, давно, лет сорок назад. После того как построили Новый порт в бухте Надежды, стену перенесли, а постройки и часть города, пусть небольшая, но часть, так и остались неподалёку от Залива Отчаяния. Как известно свято место пусто не бывает. На смену степенным горожанам пришли банды, устроившие за брошенную территорию настоящую войну.

Дождливый город всегда привлекал провинциалов. Вот только не своей красотой и достижениями цивилизации, а богатством. Самый бедный горожанин здесь жил намного лучше любого толстосума в захолустье.

Попасть за стены огромного мегаполиса можно было только двумя способами – доказать свою полезность магистрату и регенту или контрабандным путём, благодаря криминальным организациям, делающим на этом огромные деньги. Об этом я же много знал. Герр Бюлов подозревал, что этим группам покровительствовали люди из власти, иначе их давно бы всех перебили.

Война между преступниками длилась почти шесть лет. За это время группки отморозков превратились в хорошо организованные и вооружённые боевые отряды с хорошей дисциплиной и подготовкой, а Старый порт и его окрестности, в их вотчину. Боевые отряды эти называли стаями.

В городе даже секта появилась которая утверждала, что люди за стеной и не люди вовсе: «и да захлестнёт город наш волна из Геенны называющая себя людьми, но таковыми не являющаяся».

* * *

Яркое солнце, голубое небо. Облака белые, перистые. Как же это удивительно! Не то, что в городе. Никогда такого чуда не видел. Приеду расскажу маме с папой и сестрёнке. Так не поверят же!

– Показывай Метель, – голос Бюлова вырвал меня из липких тенёт тревожных мыслей. – Где склад Фестиваля?

Перед нами в ряд выстроилось почти три десятка пакгаузов разного калибра и состояния. От совсем небольших, щеголявших новенькими стенами, до огромных многоэтажных дряхлых монстров.

Руками скованными наручниками, грабитель провёл по лбу сбрасывая бисеринки пота, и подбородком указал на здание впереди и справа.

– Вот то! С облупившемся изображением красного петуха.

Метель к сожалению, показал на одно из самых больших строений перед нами. Пибоди и Тимс будто по команде покачали головами сопровождая это движение цоканьем языка. Галгарпер ещё больше нахмурился поудобнее, перехватив ружьё. Указательный палец сержанта лёг на спусковую скобу.

– Самое ценное конечно на последнем этаже? – улыбнулся Бюлов заранее зная ответ.

Плечи инспектора ходили туда-сюда кисти рук сжимались и разжимались. Смотря на него, я тоже начал разминаться. Колесцовый пистолет из-за этого провалился внутрь моих брюк и пополз по левой штанине вниз. Слава богу никто не видел.

– Да, там, – коротко кивнул Метель в ответ на вопрос. – Может оставите меня в карете под замком?

– Ну вот ещё. Пойдёшь с нами, – произнёс Кавана приобняв за плечи преступника. – Если что не так я тебя первого пристрелю.

– Здрасти! Там всё не так, – буркнул под нос грабитель. – Лучше меня знаете, инспектор. Стая накинется на вас без раздумий.

Мне эта фраза совсем не понравилась.

– Кхм, а я вот что подумал. А другие банды... которые в соседних зданиях они на нас не нападут?

Все стражи от души рассмеялись. Не улыбнулась только Регина, зачем-то закатывающая рукава платья и перевязывающая запястья серебристыми нитками, врезающимися в кожу.

– Не бойся стажёр, – объяснил Верба. – У них есть правило. Если к ним не соваться они сами не полезут.

Инспектор подошёл ко мне и накинул на шею шерстяной синий шарф. Пропустив его подмышки, он ловко завязал его узлом на спине. «Взнуздали? Словно, детская игра в лошадки. Зачем?» – подумал я, но спросить не успел.

– Ну что мальчишки?! Мы долго ещё разговоры разговаривать будем и подбадривать себя?! – раздражённо бросила Регина, потопавав ногой. – Вперёд! У меня ещё дела вечером!

Подняв импровизированный щит, теург направилась к пакгаузу с красным петухом на стене.

– Держись за мной, Ганс, – бросил мне Бюлов пристраиваясь за плечом ведьмы. – И делай всё так же как мы.

* * *

Дальнейшие я запомнил на всю жизнь – разбитый вдребезги выстрелом Боцмана из мушкетона новенький замок на входной двери, стая, кинувшаяся на нас со всех сторон, запах пороха, крики боли и ненависти, залитые кровью ступени и четыре этажа смерти.

Отступивший в сторону боцман дал дорогу Пибоди, который метнул внутрь первую гранату. Судя по воплям и ругани – истрачен боеприпас был не зря.

Гусеницей, удерживая друг друга за узел завязанного на спине шарфа мы вошли внутрь, переступая через что-то липкое размазанное по доскам пола.

Бах! Бам! Бум! Бабах! – гусеница наша, оцетинившись стволами повалила наповал сразу четверых противников.

– Блядь, не отпускай руку с шарфа! – проорал мне в ухо Рассада идущий позади. – Перезарядил и снова держись за товарища! Понял?!

– Зачем?! – спросил я, лихорадочно запихивая в затвор «ля-фамовского» ружья брикет с порохом, дёргая, за ручку, а затем вскрыв затвор повторно отправляя за ним пулю.

Никто мне не ответил, но на всякий случай я крепко вцепился в шарфик Тимса идущего впереди.

Поднимаясь по ступенькам лестницы на второй этаж, мы стреляли во всё что двигается. В щит теурга раз за разом прилетали куски свинца и картечи, но каждый раз она умудрялась отражать их. Поверхность самодельного горгониона пылала зелёным огнём.

Не снижая скорости, мы пересекли этаж летя в сторону лестницы. Стук ботинок впереди заставил Тимса швырнуть вторую гранату. На этот раз даже я почувствовал горячее дыхание взрыва.

– Амулет! – закричал Бюлов впереди и разрядил пистолет в силуэт, выходящий из дыма, поднятого детонацией гранаты.

Пуля инспектора отскочила в сторону будто встретив препятствие, а человек впереди просто шёл и улыбался нам. Я не заметил, как он выглядел, но мерзкую улыбку его видел отчётливо. Так же, как и святящуюся розовым светом бляху на груди.

Шиих! – Регина метнула в противника сгусток огня и тот... это был просто кошмар. Я в первый раз видел, как теурги убивают людей. Нет, конечно раньше я об этом слышал, но наблюдать собственными глазами дело другое. Энергия, чистая энергия, преобразованная магом, разрывала на части живую плоть одновременно сжигая её. Прямо перед тобой человек превращался в кусок мяса на гриле, только пахло не так аппетитно – жжённой плотью, волосами и запекающейся в венах кровью чей металлический вкус оставался на губах и драл

ноздри. Файербол буквально пополам разорвал человека с короткоствольным ружьём в руках. Я еле сдержался, чтобы не выплеснуть под ноги свой обед.

Думаете всё? Не тут-то было! Во-первых, с третьего этажа по нам ударил залп из ружей. Тимс впереди закричал и рухнул мне под ноги. Не соображая, а действуя скорее автоматически я, всё ещё удерживая шерстяной узел в кулаке оттащил раненного за спины товарищей. Только сейчас я сообразил зачем нужен шарф.

Галгарпер, Кавана, Бруни и Боцман начали палить в ответ, а Стич исчез в клубах не желавшего исчезать дыма так саднившего горло.

Думаете забыл про во-вторых? Нет, во-вторых, к нам сверху спрыгнул ещё один носитель амулета. На этот раз ядовито-фиолетового.

Здоровенный рыжий детина за плечом которого болталось старинное ружьё с раструбом на конце. Таким вообще на раз-два можно превратить плоть в рваную бумагу. Не дожидаясь атаки, инспектор стремительно отделился от группы.

Оказавшись за спиной здоровяка Бюлов коротким ударом сверху в ключицу вонзил тому кинжал в сердце. Закатив глаза, без единого звука, противник начал валиться на пол, а начальник мой одним ловким движением снял мушкетон с его плеча и направив оружие на ближайшего противника нажал на спусковой крючок.

Бабах! – картечь, которой было заряжено ружьё превратила в месиво грудь бандита не заметившего угрозы. Опрокинувшись на спину тот выронил из руки пистолет запрыгавший по ступенькам, который спустя секунду оказался в руках Бюлова. И вот ещё один нападающий падает на колени зажимая рукой прострелянное горло.

– Стажёр, не зевай! – закричал Рассада, падая на одно колено и разряжая мушкет в человека с саблей.

Некоторое время мы стреляли и заряжали, стреляли и заряжали. Из глаз моих градом текли слёзы, нос хлопал соплями. Порох разъедал слизистую.

Споткнувшись о кровавую кашу, состоящую из чьих-то внутренностей, я упал на задницу и только это спасло меня. Острое копьё вонзилось между моих ног лишь слегка коснувшись бедра. Мушкетон мой отлетел в сторону, а пистолет застрял за поясом.

Оскаленные зубы и чёлка спадающая на глаза преступника с разукрашенными татуировкой щеками, могли стать последним увиденным в жизни. Могли бы, но помощь мне оказал тот, от кого я её никак не ожидал.

Метель закинул соединяющую наручники цепь преступнику на шею и перекрутив её крутанул на месте переломав тому все позвонки. Ногой грабитель пнул в мою сторону мушкетон которым я тут же воспользовался, пристрелив возникшего позади него человека с булавой.

Регина, разбрасывая вокруг себя проклятия поднималась по лестнице превращая третий этаж в щепки. Один из файерболов женщины оторвал голову бегущему к ней врагу, а второй спалил сразу двоих стрелков попытавшихся укрыться от мага за стопкой ящиков, превращённых ею в тлеющие головёшки. Гусеница снова двинулась вперёд. Замыкал её Боцман на плечах которого повис побледневший Тимс.

«Один этаж! Остался один этаж!» – думал я, нажимая спусковой крючок по мелькнувшей впереди тени.

Рядом кто-то закричал и под ноги нам рухнул Верба. Тяжёлая пуля снесла ему половину лица.

– Не смотри на него! Двигайся! – орал Рассада, пихая меня вперёд.

Легко сказать. Голубой глаз мертвеца, на оставшейся невредимой части лица, словно притягивал к себе мой взгляд.

Бах! Свинец снёс перила, и здоровенная щепка вонзилась мне в щёку. Стиснув зубы, я только ускорил шаг.

На площадке возле последнего подъёма в лужах крови лежало сразу четверо вооружённых мужчин. Здесь же стоял окровавленный Стич, грудь которого вздымалась от учащенного дыхания. Лицо, руки и плечи его были забрызганы кровью. Дождавшись нас от встал на своё место в гусенице.

Друг за дружкой мы поднимались наверх, ступая по мокрым от крови ступеням и тут теург получила синий сгусток энергии в щит. Женщина вздрогнула и её отбросило на два шага назад. Гусеница наша развалилась на части.

Шаах! Новое попадание и по руке моей побежали мурашки холода.

– Ах так! – завопила ведьма, стряхивая руку Бюлова со своего плеча.

Регина со злостью отшвырнула в сторону щит и пронзительно закричала (от чего мы все без исключения заткнули уши). С обеих рук её, с промежутком в пару мгновений, вырвались сгустки огня, наполнившие воздух шипением похожим на звуки сала на раскалённой сковороде. Первый фаербол отбросил на секунду появившегося перед нами теурга к каменной стене, а второй, коснувшись его тела...

Вы видели, как лопается воздушный шар? А воздушный шар, наполненный водой? Думаю, тогда вам всё понятно и излишние натуралистические подробности можно упустить.

Рука Рассады, удерживающая меня, наконец-то разжалась, и я смог усесться на пол выкашливая из лёгких осточертевший дым. Кавана рядом со мной вылил на свою голову фляжку воды. От завитых локонов и напوماженных усов не осталось и следа. У стены стоял обыкновенный черноглазый парень каких много. На подбородке младшего инспектора была глубокая ссадина.

Впереди в лучах яркого света бивших из окон, посредине этажа, на помосте, располагалась двухметровая клетка, накрытая огромным куском плотного шёлка.

– Что это, чёрт побери?! – ругнулся Рассада, перевязывая куском платка залитую кровью кисть. – Золото? Марафет?

– В клетке? – инспектор Бюлов, сложив руки на груди внимательно разглядывал находку ничего не предпринимая. Он словно ждал чего-то.

Столько трупов. Ради чего? Что скрывает завеса?

Любопытство взяло вверх надо мной, и я сдёрнул ткань с клетки. Малиновый шёлк волнами заскользил под ноги и за прутьями напротив меня возникли испуганные голубые глаза на бледном лице.

Глава 10. Призраки

Шумахер с расширенными от удивления глазами смотрел на двоих детей, скорее даже подростков десяти-одиннадцати лет. Худые, хрупкие, светловолосые, светлоглазые, с бледной, почти прозрачной кожей, они были похожи друг на друга и не похожи одновременно.

– Дети? – выдохнув выпалил стажёр.

– Подростки, – вторил ему Стич останавливаясь рядом.

Сначала я думал, что мальчишка и девчонка в клетке брат и сестра, но внимательно приглядевшись к ним отбросил эту мысль. Нет, у этой парочки явно были разные родители.

На наши вопросы, сыпавшиеся словно из рога изобилия, найдёныши не отвечали, только опустив глаза в пол кусали потрескавшиеся губы. В конце концов мы от них отстали, решив вернуться к расспросам позднее.

Войско моё смотрелось бодро хоть и было изрядно потрёпано. Хуже всех выглядел южанин, в прошлом месяце не испугавшийся полыхающего пламени и спасшего из заброшенного дома в Собачьем переулке беременную бродяжку. Покашливая, Тимс то приходил в себя, то проваливался в зыбкое нигде.

Метель, сидел тут же, устало опустив руки. Я видел, что он спас Ганса хотя мог воспользоваться обстановкой и просто сбежать. Наручники, такого как он, явно не удержали бы. Что ж, видно я в парне не ошибся.

Переступая через мёртвые тела, коих насчитал три десятка (ах, да забыл про ошмётки теурга у окна), я бегло осмотрел склад, но интересного больше ничего не обнаружил. Только брикеты с наркотиками, стопка тут, стопка там. Никогда столько кокаина в одном месте не видел.

Забрав из кабинета, находящегося прямо за клеткой, все бухгалтерские книги, исписанную от руки тетрадь и парочку писем, я отдал приказ к отходу. Ничего тут было делать, а то вдруг местные возьмут, да и нарушат собственные правила. Куш то нехилый тогда им обломится.

Сказано-сделано. Карета, постукивая колёсами понеслась по мостовой провожаемая многочисленными взглядами, а за спинами нашими жарко пылал пакгауз с изображением красного петуха на стене.

* * *

Встречать нас высыпали все «Мягкие лапы». Ступени были заполнены людьми, вытягивающими гусиные шеи и пытавшимися разглядеть нас получше. Мелкий дождик, бисером сыпавшийся с неба никого не испугал.

Тимс к этому моменту был уже час как без сознания, и из-за синих пятен под глазами и такого же цвета губ, больше напоминал труп чем живого человека. Подъехавшая карета Скорой помощи срочно увезла его в госпиталь «Чудесного касания» где ему должны были оказать помощь вне очереди. Затем дошло дело и до скорбного груза. Тело сержанта Вербы вынесли осторожно, будто боясь его разбудить.

– Головные уборы снять! – рявкнул Галгарпер стаскивая с головы кепи.

Все городские стражи обнажили головы выражая таким образом почтение в отношении погибшего на службе коллеги. Мулине на улицу не вышел, но я видел его силуэт в окне на третьем этаже.

– Только эти двое худых детишек похожих на призраков? – удивился Мулине стряхивая пепел с сигареты на серебряную тарелочку в виде облачка стоящую на краешке стола обитого лучшим красным сукном. – И всё?

Я знал, что курит начальник Городской стражи только в исключительных случаях. Врачи ему категорически запретили никотин в любых дозах. Что-то вывело его из равновесия. Неужели наш вояж в Геенну и смерть простого сержанта?

– Ещё много-много наркотиков, которые мы сожгли.

Облачко дыма поднялось над головой моего собеседника, а затем поплыло к приоткрытому окну.

– Ты уверен, что это был теург? – перескочил с темы Мулине. – Это же скандал! У них же там вроде какой-то реестр есть! За каждым теургом вроде бы должны приглядывать. Они же дьявольское оружие, чёрт их побери! Я свяжусь с...

В коридоре что-то сначала громко брякнуло, а потом раздался звук разбитого стекла. С сигареты хозяина кабинета, повернувшегося к источнику звука, на новенький красный ковёр упала горка пепла.

Я резко рванул дверь на себя и замер в коридоре в дальнем конце которого стояло четыре человека – инспектора Гобкинс, Фрус и Рафл окружили испуганного Шумахера под ногами которого валялась разбитая кружка.

Паренёк был напуган, но всё же пытался храбриться. Выпрямив спину, он упрямо тянул подбородок вверх.

– Мы с боем пробились на склад...

– Сморчок! Да мне плевать что вы там делали! Кто вас туда звал?!

– Это наш долг!

– Долг? – ревел толстяк, покраснев словно помидор.

Ударом огромного кулака Гобкинс опрокинул моего стажёра на пол.

За пару секунд я пролетел коридор и оказался за спинами подонков. Впереди, по лестнице, на этаж поднялся Стич, который увидев Ганса на полу, положил свою руку на рукоять ножа.

Может быть ветеран что-то бы и сделал, но я, поймав его взгляд, отрицательно помотал головой. Словно говоря: «И не вздумай даже! Сам разберусь!»

Раз! Выдернул стажёра из-под удара ноги, который попытался нанести Фрус, я спрятал Шумахера за спиной.

Троица шакалов повернулась ко мне, но стукнувшая позади меня дверь заставила их вытянуть руки по швам. Недовольный оклик Мулине поставил точку в конфликте.

* * *

Огонь в камине моего служебного кабинета весело потрескивал той незатейливой мелодией, которая напоминала мне о далёкой родине. Дождь барабанивший за окном только усиливал это впечатление.

Ребятишки, укрытые шерстяным одеялом, пили горячее какао с плюшками из сдобы и задорно болтали ногами. Кажется, помаленьку они стали оттаивать, по крайней мере страха в их глазах я больше не видел.

Стич из соломы и тряпок сделал девочке смешную куклу с глазами-пуговицами на пол лица и носом из сломанной булавки. Теперь та с удивлением разглядывала подарок то и дело бросая редкие благодарные взгляды на ветерана.

Захлопнув последнюю книгу со склада Фестиваля, я разочаровано вздохнул.

– Что там? – спросил меня Кавана разглядывая ссадину на лице в маленьком ручном зеркальце которое он всегда носил при себе.

Волосы младшего инспектора были уже тщательно расчёсаны, а усы завиты.

– Ничего, помотал головой я. – Абсолютно ничего интересного для нас нет. Только одна запись четырёхдневной давности, сообщающая о доставке посылки Щекастому.

Повернувшись к грабителю, примостившемуся на стульчике у камина, я спросил:

– Метель, что у тебя попросил Щекастый?

– Ему нужны были дети, – ответил парень, звякнув кандалами.
– Девочки? – почему-то шёпотом спросил Ганс, осторожно дотронувшись до разбитых губ.

– Он не уточнял.

– Какие-то особенные дети? – настоял повторно я, забрасывая книги к себе в стол.

– Я не знаю деталей потому что сразу отказался, хоть и удивился щедрой наградой.

– Пращники вроде проституцией никогда не занимались, – удивился Пибоди потеряв тщательно выбритый подбородок. – С чего вдруг?

Ответом ему была тишина.

– Вы обратили внимание, у них у обоих анемия, – произнёс Бруни поправив очки на переносице.

– Что это такое, чёрт побери?! – спросил Галгарпер опрокидывая в рот рюмку коньяка, который уже год стоял нетронутым в графине на столике с личными делами подонков из моего квартала.

– Малокровие, – пояснил Рассада, отец которого был врачом, разглядывая забинтованную руку. – Поэтому они такие бледные и слабенькие.

– Теург в качестве охранника это вообще перебор. Кому могли понадобиться больные дети? И зачем их было нужно так защищать? – обратился к присутствующим Пибоди беря из рук сержанта стопку с крепким напитком.

«Отличный вопрос», – подумал я, наблюдая за Боцманом, показывающим мальчугану фокус с талером, натолкнувшим меня на мысль о том, что ответ где-то на виду. Его просто надо найти.

Встав с кресла, я подошёл к вешалке в виде синаргла с растопыренными крыльями (под которой на полу блестела лужица влаги, натёкшей с одежды) и снял с неё плащ и треуголку.

Головы товарищей дружно повернулись ко мне. Даже детишки оживились.

– Отойду ненадолго. Хочу поговорить с пращниками, оставшимися в живых после нашего посещения особняка Гудмана. Что-то подсказывает мне, что они чуть приоткроют завесу тайны.

Глава 11. Глобус

За грубым деревянным столом, выкрашенным в ужасный коричневый цвет, потирая запястья сидел Глобус – тот самый единственный выживший после нашего рейда на банду Щекастого.

Я специально попросил надзирателей «Карусели» – столичной тюрьмы для особых гостей, расстегнуть «пращника». Это в «Десяти пальцах» сидел всякий сброд вроде мошенников, карманников и любителей почесать кулаки, а здесь «гостили» представители ОПГ – сливки со дна Дождливого города. Они умели ценить подобные жесты, ведь сидеть на допросе с закованными за спиной руками, да ещё когда они пристёгнуты к кольцу позади на уровне затылка...

– Кого я вижу, инспектор! Всё ещё младший или ваше начальство оценило вас в должной мере? – ухмыльнулся тонкими бледными губами Глобус отрывая взгляд от зарешётчатого окна.

Сняв треуголку и плащ, я повесил их на вешалку в углу, а затем встал напротив преступника внимательно взглянув в его тёмно-зелёные глаза, в которых всегда плескалось пламя своенравия и непокорства.

Глобус получил кличку свою за абсолютно лысую голову форма которой напоминала чуть приплюснутый шар. Нет, ну правда у людей обычно вытянутые лица, а тут самый настоящий шар. Глобус и есть.

На кривую дорожку преступник свернул уже разменяв четвёртый десяток. Однако дисциплину беззакония освоил экстерном. Учитель похитивший школьную кассу, получивший три года, а затем сумевший в тюрьме заработать авторитет и уважение раньше занимал моё воображение. Иногда мне даже казалось, что Глобус делал всё это от скуки. Как-то он даже сказал мне, что до тюрьмы мир его был чёрно-белым, а за решёткой обрёл краски, стал цветным. Как бы то ни было из обыкновенного воришки за дюжину лет он превратился в опасного мерзавца.

– Здравствуй, здравствуй Патрик, – сказал я, наблюдая как вода, сбегавшая с плаща и треуголки, собралась блестящей лужицей на полу. – Поговорить с тобой хочу о твоём бывшем хозяине.

– А чего о нём говорить? Щекастый умер. Вы же его застрелили, – ладони преступника легли на стол. Длинные пальцы при этом слегка шевелились. Не знаю почему, но мне стало противно.

– Тем не менее хочу, чтобы ты рассказал мне почему он вдруг начал заниматься работницей и проституцией. У него же вроде всё неплохо шло. Часть бизнеса легализовал. Вас приодел. Зачем маражаться?

Глобус замолчал, выглядывая в оконце, а затем негромко задумчиво произнёс:

– Инспектор, а вы знали, что Висмарбург основал преступник. Ной был на родине грабителем и от виселицы его спасла высылка в заокеанскую колонию.

– А я думал он был первым магнатом на этом берегу, – ответил я, сложив руки на груди.

– Это уже потом, – отвернулся от окна Глобус, а затем кашлянув поднял на меня глаза. – А что я получу за информацию инспектор?

«Не оценил» – понял я. Странно, от кого от кого, а от него не ожидал».

Стремительно выстрелив рукой вперёд, я положил ладонь на затылок Глобуса и хорошенько долбанул его головой о поверхность стола. А затем ещё раз. Даже побоялся что треснет. Не голова преступника, нет, стол. Всё-таки казённое имущество.

– Ещё поупражняешься в остроумии или начнёшь говорить пока все мозги и зубы на месте?

Глобус было взвился со стула, но встретив мой спокойный взгляд сгорбился и сразу поник. Из ноздрей его хлынула кровь закапавшая на чисто выскобленный пол.

Я знал какое впечатление производит на них мой взгляд. Как-то Аддингтон рассказал, что уголовники считают меня «человеком способным на поступок», что в их понимании сразу возносит носителя этого странного титула надо всеми.

– Всё-всё! Лис, я понял. Понял! Спрашивай! – выставил перед собой руки Глобус корчась от боли. – Это же я так по привычке.

– Рассказывай. Вопрос задан, – бросил на стол чистый носовой платок с вышивкой я.

Тонкая струйка воды из лужи под вешалкой устремилась под стол смешавшись с каплями крови Глобуса под его ногами.

– Мы сами не поняли, Лис. Всё было нормально и вдруг ему зачем-то понадобились эти дети...

– Дети?

– Да, дети.

– Девочки?

– Про пол разговора не было. Знаю, что главным условием было чтобы не старше двенадцати лет. И чтобы... малохольные, – шмыгнул носом преступник, прижимая платок к лицу.

– Патрик, ты же человек с образованием. Разговаривай хоть со мной нормально, – раздражённо отодвинул я стул от стола и уселся на него.

– Непременно бледные ему нужны были. Болезнь такая есть анемия. Что-то с эритроцитами, – остановив кровь Глобус протянул мне платок, но я жестом отказался. – Собрал всех и сказал тащите ребятню и побольше. Каждому заплатить обещал.

– Больные дети не смогут работать...

– Вот и мы сразу смекнули, что толстяк что-то другое задумал. Но что именно, так и не поняли.

– У Анны анемии не было, – отрицательно помотал головой я. – Знаю это наверняка.

– Эта та девчонка, за которой вы пришли? Так её Зубр притаранил. Он же болван! Главное, чтобы талеров ему в карман насыпали. Не притащил бы её, пожили бы ещё.

– Понятно. Что ещё? Может быть было что-то странное? Из ряда вон?

– Да вроде ничего такого... амулет вот у толстяка сломался, так он пообещал голову оторвать тому магу, который его ему продал. И вообще, все наши проблемы начались после того как мы купили этот чёртов дом, – с досады топнул ногой преступник. – Я говорил Щекастому не покупать особняк Гудмана, а он не послушал. Мне всегда этот дом не нравился.

– Думай-думай. Что-то должно быть, – перебил я Глобуса чувствуя, что уже у порога разгадки.

– Толстяк доктора пристрелил.

– Доктора?

– Да. Перепихона.

– Того который в «Десяти пальцах» врачом работал?

– Точно, он. Что-то украл там и погнали его. Нас лечил.

Августа Кляйна я помнил хорошо. Высокий, худой с вечно грязными волосами свисавшими сосульками на плечи. Отвратный тип. Ничего он не воровал, со службы его погнали за пристрастие к кокаину. Хотя говорят врачом он был неплохим.

– За что он его убил?

Кровь снова хлынула по подбородку Глобуса и тот задрал голову вверх прогундосил:

– Вот клянусь тебе Лис, не знаю. Зубр его привёз по просьбе толстяка среди ночи. Тот зашёл к нему в кабинет, а через час БАБАХ... и всё!

Он не врал мне. Встав со стула, я подошёл к окну. За прутьями решётки, внизу, по мостовой, сновали туда-сюда кареты и экипажи, мальчишки газетчики, пользуясь выглянувшим солнышком и передышкой в осадках с криком носились по тротуарам:

«Ночной дозор создаёт специальное подразделение по борьбе с преступностью!» «Рой Мальдини обещал раз и навсегда очистить улицы от преступников!» «Будут ли теурги бороться с криминалом?!» «Что скажет регент?!».

– Забыл кое-что ещё. Правда не думаю, что это очень важно, – произнёс за спиной Глобус.

– Слушаю тебя.

– Щекастый в первый же день как мы перебрались в особняк чудилы палец уколол.

– Чем?

– Да шут его знает, чем. Парни говорили вроде как склянкой какой-то старой.

Повернув голову в сторону собеседника, я почувствовал резкий запах палёной плоти под носом. Так всегда бывало, когда нападал на след.

– Доктора убили до или после этого?

– После. Точно после.

– А амулет, когда сломался?

– Тоже после... – задумчиво произнёс Глобус подняв на меня глаза, и крупная бордовая капля снова поползла по его губам.

Глава 12. Протухший свидетель

Тело Августа Кляйна поднимали осторожно, боясь, что оно снова сорвётся на дно колодца и рядовым стражам, замершим вокруг полуразрушенного кольца кирпичной кладки, повторно придётся лезть в эту клоаку, марая тиной форму и еле сдерживая приступы рвоты от царящей там вони.

– Ну и запашок! – сказал Пибоди зажимая нос ладонью и делая шаг назад от провала в земле. – Так себе свидетель!

Конечности мертвеца, так же, как и его голова, покрытая седыми слипшимися волосами, закрывавшими лицо, болтались из стороны в сторону, что делало его похожим на марионетку. «Вот только кто он, этот всемогущий манипулятор?» – нехстати подумал я, подняв взгляд на Регину Колд сидевшую на бочке возле покосившегося когда-то уютного домика и разглядывающую что-то маленькое, металлическое на раскрытой ладони.

– А чего ты хотел? Колодец никто не чистил уже лет двадцать, – удивился Рассада. – Дом заброшен.

– Никаких не двадцать, – возразил стражу Галгарпер. – Ещё десять лет назад здесь жил со своей семьёй Пауль Стримник – местный кузнец. Талантливый парень.

Пиину! Доска, на которую мы забросили верёвку жалобно застонала. Ноги доктора по колено в тёмно-зелёной жиже дёрнулись и на остатки мостовой под нашими сапогами закапали густые капли грязи. С одной из ступней, с мерзким звуком, свалился ботинок открыв нашему взгляду покрытую трупными пятнами сморщенную кожу.

– Это тот самый кузнец, что супругу свою убил и детишек? – подпрыгнул Ганс, знавший обо всех громких преступлениях, произошедших в городе за последние полвека. Я сам видел у него толстенный самодельный альбом с вырезками из «Висмарбург билд».

Мальчишка оклемался после поездки в Геенну, молодец. Сейчас он с неодобрением косился на поглощавшего с аппетитом булку с повидлом Рассаду, откровенно не понимая, как тот может есть в присутствии трупа, да ещё в окружении таких ароматов.

Ничего, поработает с наше и не такое будет принимать как должное.

– Он. Только с убийством там не слишком всё понятно, – произнёс Пибоди помогая постовым стравливать верёвку сооружённого нами примитивного подъёмного крана.

– Никого Пауль не убивал, – прервал болтунов я, задумчиво наблюдая как тело Перепихона (кличку свою он получил за любовь... впрочем, вы поняли) опускают на землю. – Стримник своих близких любил. Это я знаю точно.

Дело «Сумасшедшего кузнеца» было одним из первых моих расследований и до сих пор я периодически к нему возвращался. Перечитывал потёртую папку, пытался найти зацепку, которая смогла бы оправдать повесившегося в тюрьме Пауля. Взгляд несчастного, который он бросил на меня после оглашения приговора до сих пор иногда снился мне по ночам.

А ещё я помнил, как Галгарпер, со слезами на глазах выносил вот из этого домика растерзанные тела близнецов. «Они же совсем ещё ангелочки» – эмоциональная фраза сержанта прочно засела в моей памяти.

– Спасибо Ингрий, вы свободны, – кивнул я стражу, руководившему подъёмом тела из колодца. – Дальше мы сами.

Постовой приложил пальцы к головному убору и щёлкнул каблуками одновременно склоняя голову. Пару мгновений и служака в сопровождении пары своих коллег удалился, исчезнув в сумерках за оградой.

Склонившись над телом, я отбросил грязные волосы с бледного лица на котором застыло выражение испуга.

– Его застрелили выстрелом в упор, – пожевав губами произнёс Пибоди замерший с фонарём над доктором.

– Да, – согласился я, указывая пальцем на багровый провал на месте левого глаза, – смотри, на коже даже ожёг остался.

Ничего странного на теле мы так и не увидели. Разве что кончики пальцев на правой руке были странного тёмно-фиолетового цвета. После тщательного осмотра карманов и одежды информации тоже не прибавилось. Так пара мелких монет, кожурки от семечек, эликсир для свежего дыхания в маленькой бутылочке, и зубочистка.

– Твоя очередь, Регина, – сказал я, поднимаясь на ноги. Пибоди, всё время отиравшегося рядом, словно ветром сдуло от трупа. Что постовой всерьёз побаивался магов мне было давно известно.

Теург медленно, с ленцой, встала, и направилась через двор в нашу сторону.

– Если что-то по моему профилю будет, скажу, – цедя слова сквозь зубы сообщила она мне. – Правда не возьму в толк почему ты так решил.

Некоторое время женщина просто смотрела на доктора, а затем... вокруг Регины возникла сфера ярко осветившая двор. Колд будто замерла внутри. Я знал, что нам это только кажется так как время внутри идёт по-другому, но как же трудно было спорить с глазами.

Свет от магии открыл моему взору деревянную игрушку, торчащую из-под куста крапивы. Потемневший от непогоды грустный слонёнок смотрел на меня единственным глазом.

«Такая же игрушка есть у моей Клары» – подумал я, поёжившись от холодной капли попавшей за шиворот и поднимая повыше воротник.

За воротами тревожно заржала Брусничка отчего я внутренне подобрался и почему-то потянулся к ножнам меча.

Незваные гости! В ворота один за другим зашли трое высоких мужчин в треуголках, надвинутых на глаза и кожаных плащах похожих на мой.

Командир (властные движения и широкие шаги выдавали его) сразу решил брать быка за рога. Спрятав руки за спиной, он обратился ко мне:

– Инспектор, нас послал Рой Мальдини. Мы должны забрать тело, – голос говорившего был глубокий и немного скрипучий, будто скрип распахнутой ветром двери, ведущей в бездонный подвал. Он сразу мне не понравился.

Его люди встали справа и слева от него с таким видом будто это вышло не специально.

– Вы из Ночной стражи? – сделав шаг в сторону я на секунду отвернулся и подмигнул Галгарперу.

– Это не ваше дело! – заносчиво раздалось в ответ. – Уступите дорогу!

Пибоди следуя еле заметному жесту усатого сержанта встал позади, положив ладонь на кобуру, Рассада сделал тоже самое с другого бока. Рук их было не видно и заняло это всего пару секунд. Всё-таки с ребятами мне повезло. Ганс вот только соображал помедленнее. Молодой ещё. Понимая, что что-то не так Шумахер просто спрятался за бочку, на которой недавно сидела Регина.

– «Сумерки робко ждут нас в подворотне, а это значит... – бросил я незнакомцу повернувшись боком.

Мужчина удивлённо взглянул на меня повея мощными плечами, явно не понимая, что это такое я несу. А ведь должен был просто ответить: «что город ещё не накрыт пеленой и стражи света в своём праве, а воины ночи подождут».

«Самозванцы!» – метнулось в моей голове, ведь строчку из присяги знал любой служака на улице.

На этот раз меня опередили. В последний момент тройца что-то почувствовала и попыталась взять нас в круг. Галгарпер без лишних разговоров поднял мушкетон, висевший на его

плече и нажал на спусковой крючок. БАМ! Выстрел отбросил новоиспечённого мертвеца на его вооружённого товарища позади, забрызгав того кровью.

Бах! – пуля из длиннотвольного пистолета ударила в землю в двух шагах от Рассады и тот недолго думая и не особо целясь, от бедра, пальнул из короткого «Ашера» в ответ, уложив стрелка наповал. Так они и замерли один на другом.

Заговоривший с нами верзила тем временем кинулся ко мне вынимая из складок плаща чудной клинок с широким основанием и узким, как шило остриём.

Я сделал шаг назад, потом ещё один, ушёл влево, оттолкнув руку удерживающую полосу тускло-серого металла и попытался зайти атакующему за спину. Словно прочитав мои мысли тот стремительно развернулся и сделал резкий выпад.

Лезвие кинжала прошлось по моему запястью, но вреда не причинило, зато кулак правой руки раздробил кость нападавшему. Захрипев тот выронил из рук оружие дико вращая глазами и пуская слюни которые потоком лились по подбородку.

Над головой что-то зашуршало и...

Бруни-умница, всё это время сидевший на лавочке у входа, вскинул руки вверх и дуплетом пальнул по кравшемуся по потемневшей черепице крыши головорезу.

– Языка, опять не взяли, – раздражённо бросил я, замирая над дёргающимся в судорогах мужчине, свалившемся с крыши.

– Эмиль, так мы не в армии, – рассмеялся Рассада хлопнув по плечу Пибоди.

Мой взгляд, хлестнувший по балагуру холодом заставил его прикусить язык.

Хлоп! Сфера вокруг теурга внезапно исчезла, и она повернулась ко мне словно и не уходила. Нижняя губа женщины была прикушена, что выдавало её досаду и растерянность. Уже интересно. На трупы вокруг Регина внимания даже не обратила. Вокруг ей подобных всегда смерть.

– Мне надо полистать пару книг, – себе под нос бросила она, нахмутив лоб. – Может заглянуть в записи учителя...

– Конечно, – кивнул я, одаря её самой благожелательной своей улыбкой не нашедшей отклика в холодном взгляде. – Скажи если я могу чем-то помочь. Но что ты можешь сказать наверняка?

– Лис, это очень странно... – маг взмахнула рукой и длинные пальцы её затрепетали в воздухе, – ... но доктор удерживал в руке предмет содержащий «примо солидус».

– Магия?

– Нет. Проклятие, сотворённое руками гения, – по одежде Регины всё ещё пробегали разряды электричества.

– Они не хотели, чтобы мы это узнали? – показал на трупы Рассада, переглянувшись с внимательно слушавшим нашу беседу с Галгарпером.

- «Примо солидус» очень плохая находка и как правило оставляет собой дорожку из жертв.

– Возможно, – произнёс я, коснувшись пальцами кожи плаща, чтобы убедиться, что она похожа на кожу левиафана только с виду. Чуть более плотная и оттенок на полтона светлее. Что ж, тем легче будет выйти на след пославших убийц людей.

Глава 13. Тенёта

Мало того, что дождь так ещё и ветер. Стихия бушевала за окном будто гневаясь за что-то на горожан. Впрочем, возможно так оно и было.

Тик-так! Тик-так! Тик-так!

– Младший инспектор, напоминаю вам, что постовые Пибоди и Рассада, а также сержант Галгарпер, не ваши подчинённые! Если первые двое хотя бы из Серого квартала, то Фредерик вообще из Синего, – поднял палец вверх начальник Городской стражи.

Напольные часы с маятником, в виде солнца, при движении влево и вправо скрывающегося в клубах серебряных туч, громко тикали. Терпеть их не мог! Этот дурацкий звук мерзко отдавался в зубах вынуждая меня сжимать челюсти из-за чего выражение лица у меня получалось глупым-глупым. Наверное, в такие секунды я похож на инспектора Гобкинса.

Мулине же тем временем продолжал расхаживать передо мной:

– Младший инспектор Кавана, между прочим, тоже не должен таскаться за вами. Он и у себя-то не всё успевает. Вечно на что-то отвлекается! То на ба...извините, женщин, то на авантюры, вроде вашей.

– А Стич? – спросил я Мулине пряча улыбку.

Хозяин кабинета замер на месте с поднятой над полом ногой.

– Этого можете использовать, как пожелаете. Вы же знаете о его уникальном... кхм, положении. Тем более, что с вами он хотя бы пить перестал. Представляете, я вчера видел его абсолютно трезвым! – глаза начальника Городской стражи расширились от удивления. – Он сидел на лавочке у здания и смаковал чашку чёрного кофе. Кофе!

– Представляю. Он не пьёт уже пятый день.

– Да?! Я в шоке, – Мулине вернулся за свой заваленный бумагами столик и устало плюхнулся на стул больше похожий на трон. – В общем он в вашем распоряжении. Только про повседневные дела, инспектор, не забывайте пожалуйста.

– Слушаюсь, господин начальник, – кивнул я, бросая злобный взгляд на часы у стены и разворачиваясь к двери.

– Кстати, спуститесь с Шумахером вниз, – полетело мне вслед. – Кажется, вас там ждёт вызов. Что-то там у мельников стряслось.

* * *

Два десятка механических мельниц стояли особняком. Как раз между городом и Стеной. Формально к Серому кварталу они отношения не имели, но начальство ещё лет двенадцать назад дала их нам в нагрузку. Будто у нас других дел не было.

– Вот тут она и стояла, – коренастый дядька с головы до ног запачканный в муке указал рукой на лужу зелёного цвета в нескольких шагах от ступеней, ведущих внутрь огромной мельницы.

– В луже? – удивился Ганс шмыгнув носом.

– Ну так и чаво? Тут везде лужи. Нам они не помеха! – возмутился мельник надув щёки. – Мука ждать не будет! Хлебушек-то небось все любят!

– Опишите пропажу, – Шумахер достал блокнот и огрызок угольного рашкуля.

– Описать? Апчхи! – мужчина чихнул отчего над головой взвилось белое мучное облако. – Значица так... моя красавица шестиколёсная, с высоким бортом и сверху... парусиной накрыта.

– Что-то вроде фургона? – уточнил я, каблуком сапога коснувшись поверхности дождевой воды.

– Верно. Фургон и есть.

– Парусина какого цвета? – уточнил стажёр, впившись остриём карандаша в блокнот.

– Да вот как эта лужа! – невозмутимо произнёс мельник, которому наши расспросы уже порядком надоели.

– А особые приметы есть? – вопрос задал Стич всё это время, шнырявший по округе, а сейчас бесшумно возникший за спиной потерпевшего.

Раздражение мельника как рукой сняло, когда он взглянул в выцветшие голубые глаза ветерана.

– П-приметы-то? Т-так конечно имеются. Дочь моя на левом борту зверюгу нарисовала зубастую, – заикался мужчина. – Кракодила называется! Сойдёт за примету?

– Вполне, – ответил Стич и легко хлопнул мельника по плечу.

Когда хозяин рысью, оглядываясь на нас, скрылся за дверью мельницы, я остановился рядом со стражем:

– Не врёт?

– Нет, помотал головой тот. – Всё обошёл. Ничего больше не взломано. Поговорил с младшим мельником тот говорит вчера в девять вечера телега стояла на месте. А в шесть утра её уже не было.

– А лошади?

Ганс подпрыгнул на месте и заглянул в блокнот.

– А про кражу животных ту ничего не сказано!

– Лошади все на месте, – удивил меня Стич.

– То есть кто-то пришёл со своими лошадьми, запряг их в повозку и уехал? Странно, – задумчиво сказал я, поднимая воротник и застёгивая его на все пуговицы.

Ветеран пожал плечами как бы говоря, что понятия не имеет что произошло.

В небе над нами сверкнула молния. А спустя пару секунд грянул гром.

– А почему вы думаете, что их было несколько? – снов встрял Шумахер. – Может одна лошадка?

– Одна лошадь такую телегу не утащит, – пояснил я Гансу. – Надорвётся. Дело не сложное. Тебе и карты в руки.

Надувшись от важности Шумахер забегал туда-сюда вокруг лужи опустив нос, покрытый веснушками к земле словно охотничий сеттер.

– Ну тут же совсем нет следов! – через минуту развёл он руками в стороны. – Ночью дождь шёл! И утром тоже!

Мы со Стичем рассмеялись.

– Если нет следов тогда нужно...

– Поставить себя на место преступника, – закончил фразу Ганс.

– Верно. И что ты думаешь?

Взявшись рукой за подбородок Шумахер нахмурил лоб.

– К стене они точно не возвращались. Даже если контрабандисты, то им надо в город, а не в Геенну.

Боцман сидевший на козлах моей повозки показал стажёру, оттопыренный большой палец.

Парень, расплывшись в улыбке из-за оказанной поддержки, тем временем продолжил:

– Отсюда до города есть только два места где они могут остановиться. Трактир «Одноглазый кот», но хозяин ваш осведомитель и в случае чего уже шепнул бы нам о странных типах, и «Майорская пристань». Вот там есть где скрыться.

«Мальчишка прав», – подумал я. Для контрабандистов, задумавших улизнуть за стену нет смысла воровать фургон. Зачем такая тяжесть на корабле или плоту. А вот скрытно доставить что-то в Висмарбург лучше места чем «Майорская пристань» не придумать. Там тебе и старый канал, и катакомбы.

– Едем! – бросил я, прыгая на облучок рядом с курилкой. – Может успеем их перехватить!

* * *

Бах! – приличных размеров отверстие, неожиданно возникшее в борту моего экипажа, заставило нас выпрыгнуть наружу и скрыться за повозкой.

Бах! Бах! Бам! – сразу три выстрела угодило в то место где мы только что сидели, разорвав в клочья новое сидение и в щепки лакированные дверцы.

Боцман, рискуя жизнью вытащил из рундука позади экипажа свёрток с оружием и раскинул нам по рукам мушкетоны, пистолеты и боеприпасы к ним.

Бам! Бах! Бах! Оттащив рывком в сторону Шумахера, я спас стажёра от нового залпа.

«Нет, бандиты так стрелять не умеют», – решил я. Такое мы с Боцманом видели только на войне. СТРЕЛЯТЬ так здорово могли только егеря. Профессиональная подготовка на лицо. Новый залп расколол корпус салона, по которому поползла трещина. Брусничка испуганно заржала, но всё ещё стояла на месте удерживаемая моей рукой.

В тридцати шагах правее от двухэтажного склада, из которого по нам палили, стоял фургон мельника, на борту которого детской рукой ядовито зелёной краской был намалёван зубастый ящер журущий солнце. В голове моей всё встало на место.

– Это засада! – крикнул я сквозь пальбу. – Они нас ждали! Точно! Именно нас! И вызов этот был не случайный и телега возможно украдена только чтобы заявили о преступлении. Нужно атаковать иначе нас сейчас пристрелят! На счёт три бежим к складу петляя зигзагом! Раз! Два!

На «три» я ножом пластанул несколько раз по упряжи, оставив только один из ремней крепления. Почувствовав свободу Брусничка испуганно глянула на меня, а затем заржав рванула с места.

Повозка на одном ремне устремила за ней, но вскоре с громким хлопком кожа лопнула и экипаж отбросило в другую сторону. Лошадь вправо, повозка влево, а вот посередине, спутав стрелков, со спринтерской скоростью рванули мы.

Новый выстрелы только выдали атакующих. Боцман, Шумахер и Стич замерев на месте дали ответный залп по второму этажу. Туда же следом полетела брошенная курилкой граната, а следом ещё одна.

Краем глаза, справа, я заметил какое-то движение и бросился туда в одной руке удерживая меч, а в другой мушкетон.

Брезент упал и внутри фургона мельника на треноге я увидел странного вида устройство. То, что это оружие сомнений не было. Направленный на меня ствол, даже такой диковинный я чувствовал спинным мозгом, печёнкой, селезёнкой... как там ещё говорят?

Жах! Жах! Жах!

Трижды эта штукавина плюнула в меня синими молниями больше похожими на боевую магию теургов. В четвёртый раз синие молнии обожгли руку, и я выронил свой меч.

Чертыхнувшись кувыркнулся по земле и с десяти шагов всадил картечь в высовывающуюся из-за пушки рожу. Булькнув тот свалился на пол, а сбоку по мне один за другим ударили пистолетные выстрелы. Первая пуля разорвала левый рукав плаща, а вторая выбила из руки мушкетон.

«Да что же это такое!» – прикусил губу от злости я, нашёл взглядом своего противника – высокий, широкоплечий, в плаще из кожи левиафана, треуголка надвинута на глаза. Ну прямо брат-близнец того которому я сломал кадык во дворе дома кузнеца.

Вытянув руки с пистолетами вперёд этот гад целился в меня. Ещё секунда-другая и...

Тряхнув правой рукой, я почувствовал в руке ребристую рукоять «Майского жука».

Пистолетная пуля угодила в амулет на груди, и тот часто запульсировав разорвал на мелкие ошметки голову типа в плаще, забрызгав меня кровью, мозгами и осколками костей с ног до головы.

Перезарядив на всякий случай пистолет и взведя курки, я остановился над подёргивающимся в судорогах телом.

«А что это там у него?» – подумал я, наклоняясь к полу. Деньги? Документы? Рванув с груди безголового плащ, я вытащил наружу пачку плотных листов.

– Что это? – спросил подбежавший позади Шумахер. Топал стажёр как слон, пыхтел также.

Протянув ему находку, я засвистел в свисток призывая к себе стражей находящихся поблизости. Коротко переглянувшись со мной и ничего не спросив, Стич тоже задул в свистульку.

Ганс позади чертыхнулся и схватился за голову. Я его понимал, ведь на талантливо нарисованных рисунках был я, он, наш ветеран, Рассада, Бруни, Пибоди, Галгарпер, Кавана, Метель и даже ухмыляющийся Боцман с трубкой в зубах.

Глава 14. Кровь, стекло, кафель и порох

«Так что мы имеем?» – думал я пока карета, которую мы одолжили у прибывших на Майорскую пристань стражей неслась в облаке брызг по мостовой, распугивая редких вечерних прохожих, лиц которых я не видел только разноцветные зонтики, танцевавшие в свете фонарей.

Я, Шумахер, Стич и Боцман вместе. Пибоди увязался за нами по дороге. Уж как-нибудь от нового нападения мы отбиться сумеем. Галгарпер, дядька серьёзный и в обиду тоже себя не даст. На всякий случай весточку ему о случившемся я с постовым послал. Бруни и Кавана в Мягких лапах, пока их оттуда не выпустят, Мулине обещал. Метелица в Десяти пальцах сидит уже пару дней в изоляторе за драку. Небольшое опасения у меня вызывал Рассада, работавший сейчас где-то на улице, но балагур тоже был калачом тёртым.

Самым уязвимым я посчитал Тимса. Наш коллега сейчас лежал в госпитале «Чудесного касания» и защититься сам от покушения не мог. Значит это должны были сделать мы.

Натянув вожжи, я остановил карету. Колёса скрипнули, и мокрый кот испуганно мяукнув стрелой пронёсся через улицу скрывшись в приоткрытом окне подвала.

Выпрыгнув наружу, мы, впятером, подхватив оружие сквозь завесу дождя, бросились к главному входу. Уже подбегая к лестнице возле которой стояла статуя женщины с крыльями, я понял, что опоздали.

«Омытый струями дождя явись за помощью сюда. Ты исцеленье получи, на провиденье не ропщи» – красивыми витиеватыми буквами было выведено на бронзовой табличке закреплённой на фасаде госпиталя.

Возле массивной двери раскинув руки в стороны, лицом вниз лежал мёртвый мужчина в форме констебля – именно они осуществляли охрану государственных учреждений и занимались поддержанием порядка, стражи же расследовали преступления. Кровь сочилась из-под бедняги, и подхваченная ручейком дождевой воды скатывалась по ступеням вниз.

Переглянувшись мы услышали внутри многоголосый вопль страха, приглушённый непогодой. Выстрелы тоже не заставили себя долго ждать.

Бах! Бах! – ударило по барабанным перепонкам, когда мы ворвались в фоей. Тут тоже нас ожидала парочка трупов – медсестра всё ещё удерживающая поднос с бутылочками в руках, грудь которой навывлет была пробита крупнокалиберной пулей, и больничный регистратор – седенький старичок в пенсне, лежавший в груди осколков стекла. Лицо дедушки было превращено в месиво из мяса и костей. Книги, в которой отмечали прибывших в госпиталь больных на месте конечно не было.

Бам! – выстрел из мушкетона заставил нас влететь на второй этаж. Разогнавшись, я чуть не сбил ещё одного констебля, несущегося на встречу.

Лицо мужичка было бледным как мел, челюсть выбивала частую дробь. Даже не подумал бы, что так можно стучать зубами. Схватив труса за шиворот, я наградил его смачной оплеухой.

– Что?! За что?! – закричал тот закрывая голову руками и дрыгая ногами.

– Сколько их?

– Что?! Отпустите! – констебль громко верещал и пытался вырваться из моих рук. Очередная смачная пощёчина привела его в чувство – взгляд стал осмысленным и сконцентрировался на мне.

– Повторяю вопрос, – спокойным тоном повторил я, зная, что орать на испуганного человека бесполезно. – Сколько их?

– Пятеро! Пятеро! Они стреляют во всех подряд!

Забрав из-за пояса труса пистолет, Стич спрятал его себе за спину, а затем пошарился по карманам охранника в поисках пуль и брикетов с порохом.

– Где лежит раненный страж? Какая палата? – подскочил к нам Ганс схватив констебля за грудки. Эмоции так и били фонтаном из стажёра.

– На третьем! – закрыв глаза от ужаса так как испугался что его будут снова бить, пропихнул трус. – Да, на третьем! Ваш начальник распорядился поставить у палаты охранника! Там наш дежурит! Пятая палата от двери!

Наподдав пинка констеблю, я направился в коридор ведущий к лестнице наверх. Справа от меня шёл Боцман, слева Стич, Ганс и Пибоди прикрывали нам спину.

Непогода за окнами хлестала струями воды и ветками деревьев по стёклам только усугубляя ситуацию. Наверняка даже в соседнем доме стрельбы не слышно, а значит стражей никто не вызывал.

«Убивают людей без разбора?» – подумал я, проверив заряжен ли «Майский жук». Для чего? Что мы такого увидели в Геенне? Свидетелями чего стали? Или дело в детях, которых я в тайне пристроил в приют Зелёной ведьмы.

Я скорее почувствовал, что сейчас в меня выстрелят, чем, насторожился от звука взводимого курка или шипения вспыхнувшего брикета внутри мушкетона. Лёгкий поворот головы спас мне жизнь.

Бам! Бабах!

Тяжёлая пуля пробила стену в десяти сантиметрах от треуголки, а вслед ей в коридор ударил заряд доброй картечи, превративший напольную белоснежную вазу с цветами в кучу черепков, а остатки красных маков измолот в муку, отчего частицы цветов закружились в воздухе. Красное на белом – страшно красиво.

Хорошая у них позиция, – падая на пол мы вжались в пропахший хлоркой кафель. Ничего не скажешь. Но лежать тут нельзя. Стрелков двое, это понятно. Так же, как и то, что им нужно перезарядить оружие.

Вскочив на ноги, не сговариваясь, мы со Стичем, припустили по коридору в сторону стеклянной двухстворчатой двери где мелькали силуэты, искажённые отражением.

Ветеран наш словно раскрутившееся веретено влетел в двери пробив хлипкую преграду и оседлав парня в плаще из кожи левиафана (я даже не удивился, что тут снова эти типы) начал пластать его ножом. Мой же противник с аккуратной бородкой на подбородке, успел выхватить пистолет и выстрелить почти в упор.

Бам! Я конечно отклонился, качнувшись в сторону, но скорость уже потерял. Тормознув перед обломками двери, одна створка которой висела на петле, я дал возможность Бородатому закончить зарядку мушкетона. Щёлкнув курком тот наставил ствол на меня, но выстрелить не успел. Удар ноги в грудь опрокинул его, и противник с проклятиями кубарем полетел по лестнице вниз.

Нормальный бы человек шею себе свернул, а этот приземлился на лестничную площадку между первым и вторым этажом точнёхонько на спину и вскинув оружие к плечу нажал на спусковой крючок.

Меня обдало жаром раскалённой картечи, но меч мой вонзившийся с хрустом в грудь стрелка поставил жирную точку в схватке.

Промчавшийся мимо нас Шумахер был остановлен моим воплем:

– Ганс, остановись! Жди нас!

Не хватало ещё чтобы мальчишку подстелили. Его мамаша потом мне этого никогда не забудет. Хватит с меня уже двоих погибших стажёров.

Над нами раздалось парочку выстрелов и протяжный женский крик. У дверей на третий этаж на полу сидел ещё один констебль с замершим взглядом. Пистолет в его руке дымился, ниточка крови из уголка рта стекала на китель, на котором с левой стороны красовалась медная бляха, изображавшая перекрещённую алебарду и метлу – знак Констебелиума.

Стич, пригнувшись сунулся в коридор и тут же спрятался. Меткий выстрел оставил кро-
воточающую борозду на его щеке.

– Ну, точно наши. Так на улице стрелять не научишься, – забубнил себе под нос ветеран,
вытирая щёку протянутым мной платком.

Боцман вдруг вздрогнул и кулаком больно ткнул меня в плечо. Ганс удивился такому
поведению (даже возмутиться хотел защищая меня), а я прислушался к еле слышному посту-
киванию по кафельному полу, приближавшемуся к нам.

– Граната!

Стич с моей лёгкой руки полетел по лестнице вниз, вслед за курилкой и Пибоди, а я,
схватив за шиворот Шумахера метнулся наверх.

Бабам!

Как на фронте. Право слово. Клубы дыма, кровь во рту, в ботинке что-то хлюпает, но
я поднимаюсь сквозь накрывшую меня тошноту и рыбкой ныряю вниз, а затем змейкой, по
стеночке выползаю в коридор.

Попался! Впереди стоит ещё один тип в плаще и прицелившись я разряжаю мушкетон
по его ногам.

Вопль боли, мясо, торчащие из конечностей, которые теперь и ногами-то не назовёшь,
кости. Несколько секунд и вопль захлёбывается в предсмертном хрипе.

Оглянувшись, я вижу позади меня Стича и Ганса. Боцман склонился над телом старушки
лежащим в дверях первой палаты.

– Так, вторая! Третья! Четвёртая! – считаю я вслух пытаюсь разобраться восстановился
ли я после контузии.

Впереди маячит нужная нам палата. И в этот момент стажёр, из ушей которого течёт
кровь, совершил глупейший поступок – он обогнал меня и пригнувшись нырнул в помещение
одновременно стреляя из длинноствольного пистолета, удерживаемого в руке.

Внутри раздался крик боли. А затем что-то перевернулось с кляцаньем загрохотав по
полу.

Чёрт! Слух вернулся ко мне, иначе я бы не услышал шипение бикфордова шнура внутри.

Высунувшись в дверной проём, я всадил первую пулю из «Майского жука» в жилистого,
носатого головореза, удерживающего в руке гранату и собирающегося метнуть её в Шумахера,
закрывшего собой тело Тимса замершее на кровати. А вторую, в его раненого в ногу коллегу,
пытавшегося вылезти в окно.

Створки распахнуты, в палату врывается холодный воздух, брызги влаги, разноцветные
листья деревьев и тьма поджидающая за порогом...

* * *

– А почему здесь всё время идёт дождь? – спросила Клара, смешно сморщив носик.

– Говорят это проклятие, которое наложили на колонистов местные мстя им.

– Колонисты – это жители города? – протянув руку к ноге дочь почесала коленку про-
должая заглядывать мне в глаза.

– ... тогда, да.

– И мы с тобой? – сыпала вопросами негодница. – И фрау Хубер? И твой друг Боцман?

Что с ней поделать?

– Давай поговорим об этом когда ты подрастёшь, – прервал Клару я, погладив её по
голове.

Судорога тряхнула меня так что зубы со скрипом сжались, и я очнулся. Выдохнув спёр-
тый воздух из лёгких, я сел на пол. Рядом со мной ползали мои товарищи. Кого-то вырвало,
кто-то содрогался в приступе кашля. Ничего, главное живы.

Все ли? Вскочив на ноги, я было бросился в палату и тут же сполз по стене от накатившей
на меня слабости. Надо чуть-чуть передохнуть, Эмиль. Всего пару секунд.

Когда дым от взрыва рассеялся мы увидели разорванного пополам Носатого и его товарища прижимавшего руки к животу, из которого обильно сочилась кровь. У стены за перевёрнутой кроватью, принявшей на себя часть осколков, в обнимку, лежали Шумахер, вращавший дико глазами, и Тимс. Наш раненный товарищ всё ещё дышал.

Сделав шаг в коридор, чтобы убедиться, что мы одни, я переступил через какой-то мусор насыпавшийся с потолка, перевёрнутый шкаф с полотенцами и... мёртвое тело Пибоди с широко распахнутыми золотисто-кариими глазами. Осколок гранаты вылетев из палаты отрезал от стены уголок бедняге прямо в щёку.

Глава 15. Балагур

Почесав худую небритую щёку Курт Рассада понял, что снова забыл позавтракать. Он опять всё утро просидел рядом с сестрой, смотрел как она спала и старался угадать выглядит ли Леа сегодня лучше, чем вчера.

Терапия, которая в начале показалась ему шарлатанством, кажется помогала. По крайней мере девушка теперь самостоятельно, без чьей-либо помощи, могла дойти до туалета. Медузы доктора Бебеля, а точнее эссенция из них, наполняли его сердце надеждой и... заставляли браться за самую опасную работу, чтобы оплатить лечение единственного родного человека.

За слезку всегда хорошо платили, ибо дело это опасное и неблагодарное. Особенно в Дождливом городе. Следом за объектом наблюдения переодетые стражи на свой страх и риск отправлялись в самые опасные места Висмарбурга где жизнь их находилась только, и исключительно, в руках господ. Герр Бачковский и свою-то десницу потерял именно в результате такой «невинной» забавы закончившейся кровавой потасовкой.

Контрабандист закончил есть и сыто рыгнув оттолкнул глиняную миску от себя. Бросив на стол горсть мелких монеток, он вышел из-под навеса закуской под названием «Слепой краб» и направился вглубь Серого квартала. Кому-то название казалось забавным, а кому-то говорящим. Два ряда неказистых столиков под навесом из пропитанной смолой парусины, были нечто вроде прихожей для знающих людей, которую преступники называли парилкой. Тот кому надо, смотрел на посетителей заказавших нехитрую снедь, делал выводы и решал пустить ли человека дальше. А может быть даже сразу вынести ему приговор. Бывало и такое.

Рассада всё это время, наблюдавший за объектом из окна табачной лавки на другой стороне улицы, двинулся следом ленивой, расхлябанной походкой. На груди стража болтался грязно-жёлтый шарф, цвет которого можно было принять одновременно и за жёлтый, и за оранжевый, что делало его в глазах прохожих сразу членом двух местных банд. На глаза стража был надвинут измятый бикорн, а на плечи наброшен застиранный синий аби – узкий однобортный кафтан, короткий спереди, с длинными полами сзади какие в городе носили многие.

Рыжий слонялся между лотков, заглядывал в лавки, пялился на проезжающие повозки и свистел вслед местным барышням, идущим по своим делам, в общем тянул время до назначенной встречи место которой и должен был установить Курт. Но сначала будет провожатый – билет.

Находясь на максимальном расстоянии от объекта, так что тот даже и не заподозрил ничего, Рассада думал о том, что работа с Эмилем Бюловым скорее сведёт его в могилу, чем сделает известным и поднимет по карьерной лестнице. И всё же раз за разом он мысленно возвращался к тому рейду в Геенну. Причина ему была известна – Лис, а именно так прозвали северянина был настоящим. Таким который не гнётся, не ломается и плевал на всех вокруг. Многие в «Мягких лапах» уважали Бюлова понимая, что ему уже давно пора занимать кабинет покомфортабельней. Тот же Гобкинс, например, и мизинца его не стоил.

На пару мгновений контрабандист остановился у витрины, будто причёсывая свои огненно-рыжие локоны (на самом деле проверяя есть ли за ним хвост), а затем двинулся дальше. Курта такой ерундой было не смутить. Он всегда вёл своих подопечных бережно. Чтобы не ранить их тонкую психику. До поры до времени, конечно.

Следить за людьми Рассада научился ещё в детстве. Чем только не приходилось заниматься, чтобы не умереть с голоду. Многие не знали, но они с Леей были не местными. Висмарбург был лишь вишенкой на торте. После смерти родителей они с сестрой прошли всю нить великих городов от Эдинбата до Лидсчестера. Нигде им не было лучше, чем здесь. Пусть лучше вечный дождь и надоевшая капель за окном, чем оранжевая чума превращающая тело в кусок

пергамента, голод сводящий с ума, бесконечные гражданские войны и ураганы, поднимающие в воздух даже каменные дома.

Кинув торговцу серебряную монетку, Рассада взял с лотка две спелые золотистые груши. Сестра обожала их, пусть порадуется. Спрятав в карманы фрукты, страж замер в тени очередной витрины наблюдая за Рыжим встретившим кого-то сутулого типа на улице. А вот и Билет.

Бюлов играл опасно, бескомпромиссно и это многих пугало. Других, как Курт, наоборот располагало к себе. Бывший военный, вдовец, не знал таких слов как «нет» и «не могу». На улицах это поняли достаточно быстро. Нет, и раньше в город прибывали бесноватые, одержимые справедливостью чужаки, бросавшиеся на борьбу со злом. Вот только заканчивали они свой крестовый поход довольно быстро и печально. Младший инспектор был другим. Не зря же его прозвали в честь хитрого, рыжего хищника – уважаемого местной братвой животного.

Страж думал, что команда у них тоже подобралась, что надо. Бравый Галгарпер (двадцать с лишним лет в Городской страже многого стоит), башковитый, тихий, но совсем не беззащитный Бруни, «где сядешь, там и слезешь» Пибоди, бабский угодник Кавана (на самом деле мужик не плохой и надёжный), геройский Тимс (жаль не повезло ему и подстрелили), Стич – наша местная легенда, и Боцман. Про последнего сказать Курт ничего определённого не мог. Кажется, какой-то товарищ Бюлова из армии, может даже однополчанин. Он ни разу не слышал, чтобы тот хотя бы пару слов сказал. Забыл ещё упомянуть про молодого Шумахера, из которого явно будет толк, если он стажёрство переживёт.

Стать стражем, Рассада мечтал с шестнадцатилетнего возраста, сразу как им только чудом удалось попасть сюда. Ведь они не просто защитники закона, как констебли в других городах. Они несли знамя справедливости. По крайней мере тогда Курт так думал. Тут и подготовка другая и образование нужно. И всё же, подтолкнуло его к решительным действиям болезнь сестры.

Сутулый исподлобья оглянулся и кивнув его объекту, нырнул в подворотню. «Ну вот, начинается самое интересное», – с досадой подумал Рассада ныряя следом, пощупав сквозь ткань рукава кинжал на запястье и ощутив тяжесть пистолета в специальной кобуре на поясе.

Начался долгий путь Рассады по узкому ущелью между домами заваленному горами мусора, дохлыми крысами и битым стеклом которое разбросали здесь не просто так.

Утреннее недомогание превратилось в многодневную лихорадку, но не ту которая сжигает человека в одночасье, в другую – вытягивающую силу медленно и страшно. Словно цветок, Леа увядала на его глазах. Шутками, улыбками, показным хорошим настроением, брат удерживал сестру на этом свете. Это вошло в привычку, да так, что прослыл среди коллег балагуром и неунывающим оптимистом. Будто у него был выбор.

Резко развернувшись парочка направилась по еле-еле заметному проходу в сторону порта. «Неужели они настолько обнаглели, что устраивают свои тайники у моря. Там же всегда ищут в первую очередь», – удивился Курт.

Куда бы они не обращались все доктора разводили руками и соболезовали. **СОБОЛЕЗ-НОВАЛИ!** Будто она уже умерла! Все, кроме чокнутого Бебеля, адрес которого стражу дал всё тот же Бюлов.

Когда страж уже подумал, что идти дальше слишком опасно (так далеко в трущобы он ещё не забирался), Рыжий замер на месте. Билет что-то коротко бросил и нырнул за гору мусора, а контрабандист удивлённо оглянулся и попятился.

Из темноты вышел человек в кожаном плаще, точно таком же как те молодчики у дома кузнеца. Проходя мимо, он ударом короткой дубинки просто размозжил голову объекту наблюдения Рассады направляясь в сторону спрятавшегося за баком с мусором стражу.

Курт не стал ждать пока его прихлопнут. Он выхватил из-под одежды пистолет и спустил курок. Оглушительно громко здесь прозвучал звук выстрела. Заметавшись между домами и не находя выхода, он оглушил самого стрелка.

Пуля угодила в плечо убийцы, но даже не притормозила его. Бугрившаяся мышцами рука уже готова была сомкнуться на шее парня, но тот увернувшись выхватил кинжал и тремя молниеносными ударами в бычью шею остановил противника. Ещё долгих десять секунд тот пытался зажать раны на шее рукой пялясь куда-то за спину Рассаде.

Тихо, очень тихо для своей комплекции за спиной стража возникло ещё парочка статных молодцов, один из которых обрушил на голову Курта что-то металлическое, покрытое каплями влаги.

* * *

Груши в кармане лопнули и сок фруктов намочил бок стража. Почему-то захотелось ощутить сладкую мякоть во рту.

Громила молча остановился напротив Рассады и взвёл курок мушкетона. Пальцы стража сжались, раз-другой, но успокоительной тяжести рукояти кинжала в руке не ощутили. Оружие валялось у стены и добраться до него сейчас было невозможно.

Рассада не испытал страха, скорее грусть и жалость. Да, именно жалость, ведь Леа обречена без него. Может быть к этим чувствам примешивалось ещё толика разочарования от того, что не его нож разорвёт глотку этим ублюдкам.

Бах! Выстрел заставил Курта вздрогнуть, но руки, лихорадочно ощупавшие грудь и голову, не нашли никаких повреждений. Зато его несостоявшийся убийца с выражением глубокого удивления рухнул на колени, а затем повалился лицом вперёд, прямо в грязную зелёную лужу на мостовой обдав стража волной брызг.

Позади замершего у его ног громилы с дымящимся ружьём стоял Боцман, а чуть дальше, приколов к стене второго убийцу мечом, с надвинутой на глаза треуголкой, улыбался младший инспектор Эмиль Бюлов, которого многие за глаза называли просто Лис.

Оба они тяжело дышали словно после долгого бега.

Глава 16. Прощальный ужин

Кусок мяса средней прожарки со светло-розовым соком внутри, прямо как любил Фредерик, красиво лёг на большую фарфоровую тарелку – подарок родственников Фелиции на день свадьбы. Картошка, правильными ровными золотистыми дольками заняла своё место справа и слева от основного блюда. Пару мелких томатов сюда и туда, ниточка соуса по краю будто бы окаймлявшая готовое блюдо.

Супруга сержанта скончалась три года назад, но запах её, так же, как и душа, всё ещё жили в этом доме. Не зря же Фредерик оставил все вещи любимой на своих местах. Нет, он не цеплялся за ушедшее. Не такой он был человек. Просто так ему было комфортнее.

Приходишь после дежурства, а дома тебя встречает уют и знакомые вещи. Сами по себе они конечно ничего не значат, смысл имеют воспоминание связанные с ними, но всё же...

Свежий хлеб, испечённый собственными руками и нарезанный тонкими ломтями, занял своё почётное место посередине стола с гнутыми ножками. У этого «аристократа» целая история. Он достался им без одной ноги и почти полгода провалялся в кладовке пока не повезло найти нечто подобное. Чуть дешевле, но подходящее по размеру и форме. Как же здорово прошёл их первый ужин за ним. И ночь.

Так, а теперь соусница с пикантным охлаждённым тартаром приготовленным накануне. Фелиция как-то выронила посуду из рук доставая её из верхнего шкафа. Пытаясь поймать соусницу, она сверзилась со стремянки и, если бы он тогда её не подхватил... запах жены погрузил сержанта в счастливые и одновременно грустные воспоминания.

«Будто бы всё. Можно приступить», – подумал страж закатав рукава рубахи до локтя. Супруга терпеть этого не могла и с улыбкой бранилась на него из-за этого. Сейчас он словно надеялся услышать её ворчание.

– Приятного аппетита любимая. Надеюсь сегодня я мясо не пересолил, – опустившись со вздохом за стол Фредерик протянул руку к столовым приборам, лежащим на белоснежной салфетке. Рот сержанта наполнила слюна от предвкушения...

– Фредерик! Фредерик! – раздалось снаружи. – А Фредерик?!

Пронзительный крик никак не хотел униматься.

– Что тебе нужно Мэл? – выглянул в окно сержант, нахмутив брови.

– Привет! – фрау Бигль подпрыгнула на месте от радости. – Можно я возьму твою тачку?

Хочу съездить с сыном на рынок за продуктами.

Прижав худые руки к груди, соседка потешно трясла головой от чего каштановые волосы-пружинки на голове женщины подрагивали, наполняя пространство вокруг неё движением.

Бигль часто бесила Галгарпера, иногда будто специально стараясь спровоцировать на скандал, но отказать он ей не мог. Мэл первая прибежала к нему тем зимним утром, когда супруга сержанта не смогла проснуться. Карета «скорой помощи» ещё была у крыльца, а Бигль тут как тут. Следующие сутки Фредерик вообще не помнил, а когда очнулся, дома был полный порядок – убрано, зеркала закрыты, кот накормлен, а тело отвезено в морг.

– Конечно, Мэл. Возьми.

– Спасибо сосед. Ты чего-то похудел. Надо лучше питаться!

Калитка между их участками со скрипом распахнулась, ударившись о забор от чего сержант сморщился. «Почему у меня она никогда не скрипит, а у неё скрипит?» – подумал Галгарпер.

– Только поставь её пожалуйста потом на место, – добавил он вздохнув.

– Как всегда, милый...

– Справа от калитки Мэл, справа, а не слева! Там она мешает дверке полностью раскрываться.

– Хорошо, Фредерик, я поняла, – кивнула соседка, покидая его двор.
Бесполезно, завтра тачка снова будет не там, где надо.

Вернувшись за стол, хозяин продолжил трапезу. Удерживая вилкой мясо, Галгарпер отрезал ножом небольшой кусочек. Ах, какой аромат! Уже собираясь отправить его в рот...

– ТУК-ТУК-ТУК!

– Ну кто там ещё? – столовые приборы повисли в воздухе над тарелкой.

– ТУК-ТУК-ТУК!

За дверью Фредерика ожидал знакомый постовой.

– Здравствуйте сержант, – щёлкнув каблуками страж снял кэпи с головы.

– Привет Тим. Что стряслось?

Кашлянув в кулак, парень выпалил:

– Младший инспектор Бюлов срочно послал меня к вам.

– Ну? – уже было собираясь послать всё к чёрту сержант замер на месте.

– На Майорской пристани на него устроили засаду люди в плащах из кожи левиафана.

Они заранее всё спланировали, подстроив вызов на кражу, к мельникам. Инспектор утверждает, что у убийц есть изображения всех, кто участвовал в рейде за стену. Всех!

Фредерик задумался, спрятав бугрящиеся мышцами руки в карманы.

– Лис... извините сержант, инспектор Бюлов, приказал предупредить вас. Сказал в «Мягких лапах» безопасно...

«Вот оно как. Значит у меня праздничный ужин? – мысли хозяина дома понеслись в неожиданном направлении. Прощальный. Он должен быть идеальным».

– Я понял Тим, ты свободен.

Постовой с изумлением уставился на погрузившегося в себя Галгарпера и лёгкую полуулыбку на его губах.

– Я могу вас отвезти в управление. Карета здесь...

– Это лишнее, – оборвал говорившего сержант. – Не надо. Я ужинаю!

– Но инспектор приказал...

– Постовой, ты свободен!

– Слушаюсь.

Металл заскрипел по тарелке, когда на крыльце раздались тяжёлые шаги.

Бабах! Дробь превратила в решето дверь которую своими руками красила Фелиция. Кусочки раскалённого металла залетели в гостиную, разбили соусницу, белой кляксой выплеснув содержимое на пол, взметнули к потолку тарелку с тёплым ещё хлебом и вонзились в предплечье сержанта.

Двигая крепкими челюстями Галгарпер тщательно прожевал кусок мяса, а затем протянул руку под стол вынимая наружу мушкетон.

– Немного пересолил, дорогая. Извини.

* * *

Когда мы голову сломя принесли на Фонарную 14, где проживал Галгарпер, мы застали только жарко пылавший маленький уютный домик сержанта, три аккуратно разложенных на земле трупы с выпотрошенными карманами, в хорошо знакомых нам плащах, и самого погорельца с обожжёнными усами. В одной руке страж удерживал мушкетон, а другой объёмный свёрток из простыни, в которую были завернуты какие-то вещи.

Обернувшись Фредерик кивнул нам приветствуя.

– Эмиль, они сожгли мой дом.

– Я вижу.

– Ты знаешь, что для меня он значил?

– Конечно, – кивнул я, положив руку на плечо товарища.

– Я не успокоюсь пока мы не перебьём их всех, – мрачно бросил напоследок сержант, отодвигая в сторону оробевшего Шумахера и кидая в карету свои вещи, прежде чем запрыгнуть внутрь.

Брусничка, будто чувствуя наше настроение, печально постукивая подковами копыт сделала прощальный круг вокруг остатков двухэтажного домика на вершине которого в потоках горячего воздуха крутился флюгер с двумя голубыми крыльями, которых нежно переплелись. В небе громыхнуло и ливень хлынувший с небес за пару минут потушил пожар.

Жаль, что так же просто он не мог потушить гнев и разочарование в наших сердцах.

17. Заключённый

Исцарапанная и искусанная то ли крысами, то ли человеком латунная ложка, замерла в пяти сантиметрах ото рта.

Мне абсолютно не хотелось есть эту бурду, но на свиные рёбрышки с варёным картофелем и сметаной рассчитывать не приходилось. В изоляторе всегда кормили хуже, чем в Терновнике – так заключённые Десяти пальцев прозвали основную часть тюрьмы.

Вздыхнув и зажмурив глаза, я отправил еду (если её так можно было назвать) в рот, и проглотил.

Кхэ! Кхэ! – это безвкусное и липкое нечто просилось наружу, но я сдержался. Тем более, что за дверью раздалась шаги и запоры снаружи один за другим весело звякнули.

– Бремер! Иво! На выход! – раздался громкий голос надзирателя, удерживающего руку на поясе где в специальной петле, висела короткая дубинка со свинцом внутри.

– Чего это вдруг? Мне ещё три дня сидеть! – возмутился я, бросая ложку в тарелку.

– Не умничай Метель! Это приказ старшего надзирателя. Тебе скостили срок за хорошее поведение.

Последние слова были сказаны вторым охранникам лицо которого было скрыто от меня в темноте. В свет попадали только начищенные до блеска ботинки и руки в белых форменных перчатках. Произнесено всё было таким тоном, что я сразу понял – меня скоро убьют.

* * *

Почему я не сбежал тогда на складе Фестиваля? Ведь мог же! Правда мог! Зачем спас этого сопляка? Да всё просто – не хотел возвращаться в Геенну откуда вырвался с таким трудом. А ещё со стражами в игры играть опасно. Это тебе не констебли. Пристрелят прямо на месте, и никто их за это даже не накажет. Тем более что я угодил в руки знаменитого Лиса, а он среди блатных пользовался авторитетом. Слова на ветер зря не бросал, всякие бюрократические условности его не волновали, да и все, кто пытался ему противостоять плохо кончили.

Все знали историю о Печальном Пьеро, который предпочитал не просто грабить своих богатых жертв, а ещё и уродовать их лица таким образом, чтобы приехавшим на вызов стражам казалось будто убитые плачут кровавыми слезами. Пьеро был осторожен и очень умён. Поймать его долго не удавалось. Пока дело не передали Лису. Через две недели страж устроил людям блатного ловушку и захватил парочку подельников налётчика в плен. А ещё через два дня дом Пьеро взлетел на воздух. Нет, он был не просто подорван. В буквальном смысле снесён к дьяволу, даже фундамент пострадал.

Несчастный случай? Ага, возможно. Если бы во рту хозяина особняка не нашли детский ботиночек, принадлежащий мальчику родителей, которого тот убил накануне.

Что касается остального, то инспектор Бюлов сдержал своё обещание и отправил меня в «Десять пальцев», а не в «Карусель». Уже неплохо. Здесь и надзиратели не так лютовали и дела можно было делать.

– Метель, это тебе будет дорого стоить. Потянешь? – хитро улыбнулся Вата в ответ на мою просьбу, почесав мизинцем переносицу.

Ногти собеседника были аккуратно подстрижены и чисты. Сразу видно, что грязной работой он тут не занят.

Разговор наш происходил во время прогулки во дворе тюрьмы под бдительными взглядами надзирателей на вышках, вооружённых старыми кремневыми длинноствольными ружьями, которые хоть и заряжались медленно, зато били точно.

– Я знаю.

– Что ж, хозяин-барин. Договорились, – произнёс преступник, протягивая мне руку.

Рукопожатие его было вялым, а ладонки потные. «Мерзкий тип, – подумал я без сожаления расставаясь с последними сбережениями. – Будем надеяться на его жадность».

Как говорил один умный человек: «Не работай в Дождливом городе если у тебя нет страховки на чёрный день и верного человека, хранящего твои талеры».

* * *

Коридор встретил меня противным запахом плесени, щекочущим горло, и ароматом пота. Потел надзиратель, идущий впереди.

Он боялся. Да, именно что боялся. Вот только не меня, а того что сейчас произойдёт.

– Поворачивай! – бросил мне трус ныряя в проход слева ведущий в котельную откуда чувствительно тянуло дымком.

– А разве мы идём не в Терновник? – спросил я чуть сбавив шаг, заранее зная ответ.

Впрочем, говорить что-либо мне не стали. Следовавший позади охранник ударил меня дубинкой по спине.

Было чертовски больно и я упал на колени собираясь потянуть время. Тут же получив новый удар, уже со всей силы.

– Я нахожусь под защитой инспектора Эмиля Бюлова! – сквозь боль произнёс я. – Что бы вы ребята не задумали вам потом не поздоровится!

Надзиратель впереди было замахнулся на меня дубинкой, но услышав мои слова ругнулся и замер на месте. Только окрик товарища заставил его поднять меня на ноги и продолжить путь по коридору.

Всю дорогу я пытался разогреть мышцы понимая, что ловкость и скорость смогут хоть немного оттянуть время моей смерти. Жаль руки скованны цепью. И всё же я не уйду на тот свет как барашек которого решили принести в жертву. Нет! Не дождутся.

Меня просто втолкнули в котельную и захлопнули дверь. Я не стал ждать нападения, ибо в сумраке, в свете огня, из плохо прикрытой топки, насчитал сразу троих противников метнувшихся ко мне.

Прижав руки с кандалами к груди, я перекувырнулся через голову, избежав тем самым удара обрезком трубы по голове, соскочил на ноги и бросился в дальний угол котельной.

«Третий кирпич от печи! – лихорадочно думал я, бросаясь к стене и ломая ногти о твёрдую кладку. – Раз, два, три!».

Внутри углубления оказалось пусто. Там просто ничего не было! Ах ты сука! Неужели Вата обманул меня! Взял деньги и обманул!

Ударом ноги в грудь я отпихнул первого нападавшего и избежав ещё одного удара трубой бросился в пространство между печью и кирпичной кладкой. Пулей пролетев по проходу и повернув налево побежал обратно ко входу. На минуту мои преследователи даже потеряли меня в темноте.

«Панель снизу, прямо напротив маленького окошка закрытого чугунной заслонкой!» – если и здесь нет...

Рыбкой нырнув вниз я чувствительно приложился о землю грудью, но даже не обратил на это внимание. Развернувшись я пяткой ударил по тайнику, а затем сунул туда руку.

Рукоять, обмотанная полосками плотной ткани, удобно легла мне в ладонь. «Спасибо! Спасибо боже, что ты не оставил без милости своей блудного сына!» – мысленно поблагодарил

всевышнего я, поднимаясь на ноги и тут же нанося заточкой несколько быстрых ударов в шею атаковавшему меня мужчине в тюремной робе. Возможно это кто-то кого я знаю. Гад захрипев рухнул на меня, а я, услышав тяжёлые шаги справа задержал дыхание и замер поудобнее, перехватив своё оружие сразу двумя руками.

– Где он? – раздался хриплый голос надо мной.

– Не знаю, – ответил ему другой знакомый мне. – Давай я пойду с этой стороны печи, а ты с другой.

– Хорошо. Только будь осторожен. Смотри, он Котлету прикончил!

– Не тушуйся! – успокоил первого второй. – Никуда не денется. Ему некуда.

Шаги того, чей голос был мне знаком тут же удалились, а второй замешкался над трупом Котлеты, которого я лично не знал. Это и неудивительно здесь отсидживает срок более десяти тысяч заключённых.

То ли один из моих убийц что-то заподозрил, то ли заколотый мной преступник был его другом, в общем он наклонился над трупом и тяжело дыша что-то забубнил.

Ударом ноги я пнул противника в колено и когда тот закричав от боли начал валиться на землю подставил под него заточку.

Хруст металла, пронзающего ткань, плоть и мышцы был настолько оглушитель, что уже через несколько секунд последний из убийц вцепился мне руками в горло.

Заточка застряла в теле второго убитого, а первый всё ещё лежал на моих ногах. Лишиться единственного оружия было жалко, но ничего не поделаешь. Ударом головы в нос я заставил руки душителя разжаться и ногами окончательно сбросил с себя тело, мешавшее мне подняться.

Теперь мы стояли напротив друг друга. Я прижимающий к груди кандалы и «бедняга» лицо которого было залито кровью. Противник сделал выпад и нож в его руке чуть задел моё бедро. Одновременно я сделал шаг назад и накиннул на шею убийцы цепь.

Хр-р-р-р! Задыхающийся противник пытался достать меня лезвием оружия, но я оказался за его спиной и упёршись в его поясницу ногами опрокинулся на спину. Хруст шейных позвонков возвестил мне о моей победе.

К сожалению, долго почивать на лаврах не удалось. Рывком меня подняли с земли и в живот мне уставился ствол пистолета. Каким-то чудом я оттолкнул руку с оружием в сторону, и пуля ушла нам под ноги. Пока стрелок не пришёл в себя я большим пальцем руки впился в его левую глазницу вдавливая палец всё глубже и глубже внутрь черепа.

* * *

Очнулся на полу крытого фургона с застёгнутыми в наручники за спиной руками. Голова разрывалась от боли, ужасно тошнило. Кажется, мне снова долбанули чем-то по голове. Но почему сразу не убили?

Вот так вопрос.

Повозка резко остановилась, и я прислушался к происходящему снаружи.

– Зачем ты его привёз? – спросил кто-то явно привыкший командовать.

– Вы же хотели его! – пискнули в ответ.

– Мы заплатили вам чтобы он сдох!

– Он убил троих заключённых и надзирателя! Был выстрел! Мы нашумели! – оправдывался трус которого я узнал. – Пришлось принимать решение быстро! Я подстроил всё так будто один из наших сражался с бежавшими из Терновника заключёнными и храбро погиб. Метель я забросил в кузов и....

Слова говорившего прервались, и он начал надсадно хрипеть.

«Ну всё доигрался. Пустили в расход. Туда тебе и дорога».

Выворачивая суставы и разрывая мышцы, я сумел просунуть наручники под ноги и сесть на пол. Ничего, ничего здесь нельзя было использовать в качестве оружия. Даже доску не оторвать, – думал я крутя головой туда-сюда.

Руки мои дрожали, в глазах темнело от сотрясения. На секунду мне даже показалось, что я потерял сознание так как очнулся снова на полу. Снаружи стояла странная тишина.

Вязкая, кислая слюна наполнила мой рот и мне жутко захотелось просто лечь и закрыть глаза. Послать всё к дьяволу и всё. Превозмогая себя, я подполз к двери и приготовился сражаться.

Минуту или две прислушивался к происходящему, а затем снаружи раздались шаги. Дверь скрипнула и открылась.

Заглядывающих внутрь фургона людей я был рад видеть словно лучших друзей, которых у меня никогда не было.

С любопытством и смехом на меня смотрели элегантный инспектор Кавана и тот жилистый мужичок в одиночку покромсавший на складе Фестиваля несколько человек. Кажется, все называли его мистер Стич.

Глава 18. Танцы под дождём

Старый Гоззо терпеть не мог Висмарбург из-за вечно льющего на улице дождя. И любил океан, потому что там, вдалеке от берега, дождь бывало прекращался на неделю, а то и больше.

Кап! Пам! Плюх! – капли, одна крупнее другой, шлёпались с карниза на мостовую перед витриной, наигрывая скучную и хорошо знакомую мелодию. Старые кости китобоя нещадно выворачивало и ломило в такие дни. То есть круглый год.

«Странно» – Гоззо с удивлением уставился сквозь стекло с облезшими буквами на tvo-рящиеся снаружи поглаживая холку рыжего одноглазого кота по прозвищу Бармаглот.

Карета Городской стражи остановилась возле его лавки и оттуда полезли вооружённые до зубов мужчины. Топая и позвякивая металлом, восемь стражей вломились внутрь принеся с собой холод и сырость. Возглавлявшего их офицера, старик знал, только поэтому рука под прилавком схватившаяся было за рукоять тесака, расслабилась и в приветственном жесте поднялась вверх.

– Здравствуй, Эмиль! Пускай путь твой будет гладок, море щедро на дары, а гарпун меток! – произнёс старик, растянув губы в улыбке.

– Пусть маяк ваш всегда сияет ярко в темноте безошибочно указывая путь домой храбрым мореходам! – ответил на приветствие китобоев Эмиль Бюлов лицо которого несло на себе отпечаток озабоченности о чём говорила двойная складка на переносице. – Приветствую тебя, Гоззо. У меня к тебе срочное дело.

Старину Галгарпера и озорника Рассаду (тот ещё мальчишкой два года отплавал на «Бригитте» и мог бы стать классным китобоем) моряк знал, а вот остальные стражи ему были незнакомы. Особенно странно в этой компании смотрелся золотоволосый юнец с пистолетами в руках и широколобый очкарик больше похожий на библиотекаря.

– Вы прямо как на войну! – пошутил хозяин, но никто в ответ ему не улыбнулся. – Слушаю тебя внимательно, друг.

На прилавок перед стариком упали сразу два кожаных плаща. Один был продырявлен дробью и даже дождь не смыл пятен крови с него.

– Твоя работа? – Бюлов вцепился взглядом в китобоя.

Проведя длинными пальцами по одежде и заглянув внутрь тот помотал головой.

– Ты же знаешь, что нет. Моя работа на тебе. Кстати, как носится?

– Отлично, старина, – на секунду Бюлов стал тем самым симпатичным парнем, которого почти шестнадцать лет назад китобой выловил в океане.

Ни один из коллег инспектора даже не сменил позы, они замерли, ловя каждое слово. «Чего это они?» – подумал хозяин, почувствовав, что Бармаглот вцепился зубами ему в ладонь.

– Ай! Да что стряслось-то? Поясни?! – всплеснул руками Гоззо отшвыривая в сторону животное.

– Люди в этих плащах напали на госпиталь «Чудесного касания» и убили там двадцать человек, чтобы добраться до нашего коллеги, а затем попытались убить нас, – сдвинув треуголку на затылок Бюлов облокотился на прилавок. – Каждого по отдельности.

Вот такого хозяин точно не ожидал. «Охотиться на стражей? Кому это в голову вообще могло прийти! Только сумасшедшему или...»

– Пойдёмте внутрь, – взяв лампу Гоззо откинул перекладину прилавка жестом позвав за собой гостей.

Юнец и Галгарпер остались в лавке, повернувшись лицом ко входу и витрине, остальные, застучав подошвами, последовали за ним. «Э, да они и правда опасаются нападения. Даже здесь!» – понял мореход, ковыляя к двери подвала.

Спустившись вниз они оказались в помещении мастерской – маленького цеха по производству одежды для моряков.

– Вот смотри! У меня тут всё по номерам, – старик показал правой рукой на готовые плащи, висевшие в строгом порядке, по размерам.

Каждый располагался на отдельной вешалке и был подписан. На некоторых даже фамилия покупателя уже была.

– Сам знаешь кожа левиафана намного дороже китовой. Материал ценный, любой кусочек идёт в дело.

– Из лоскутков шьёшь перчатки? – кивнул Эмиль, поднимая миниатюрный фонарик с магическим кристаллом повыше и останавливаясь напротив деревянного стола с остатками материала и портняжными инструментами.

– Как и раньше, – кивнул Гоззо. – Пара таких стоит три, а то и четыре талера. Зато им даже яд морских ежей не страшен.

– Понятно, – инспектор быстро переглянулся с сорвиголовой в потёртом цилиндре и трубкой в зубах.

– Эмиль, ты и так знал, что эти плащи не моя работа. Зачем ты здесь? – старик уселся на колченогий табурет и поискал взглядом кота.

– Ты прав, старина, – инспектор отправил товарищей наверх оставшись с Гоззо наедине. – Что ты можешь про них сказать?

– Это не левиафан.

– Я так и думал.

– Но кожа всё равно дорогая. Скорее всего это морской единорог. Та ещё зверюга. Оттяпала мне большой палец на ноге, – с гримасой китобой приподнял левую ногу. – Твой плащ может защитить даже от срикошетившей пули, эти поделки только от влаги, ветра, ножевых ранений и огня.

– Что тоже неплохо.

– Ни при твоей работе.

– Они тяжелее моего, – Эмиль резко наклонился и протянул старику Бармаглота даже не попытавшегося его укусить.

– Верно, – Гоззо жестом кивнул на готовую одежду у стены. Поэтому левиафан дороже.

– Откуда они?

– Точно не наши, – морщинистые пальцы зарылись в рыжую шёрстку любимца, размовки словно и не было. – Единорогу в наших водах холодно. Может быть Эдинбат. Там тёплое течение у побережья.

– Путь не близкий.

– Верно. Но может быть эти люди... внутри плащей, местные, а плащи...

Глаза Бюлова потемнели, сверкнув сталью.

– Отличные бойцы. Кто-то из нас знал бы кого-то из них (каламбур никого не рассмешил, ибо беседа почему-то велась громким шёпотом) или хотя бы слышал. Но нет. К тому же ты лукавишь старина, вы бы знали если посторонний начал продавать такую одежду в городе. Я помню, как вы поступили с лавкой на Парусной.

– Это не доказано, Эмиль.

– Мурена потерял там своё артельное кольцо.

– Ох, уж этот маленький засранец! – с досадой сплюнул под ноги китобой и кот на его коленях согласился коротко мяукнув.

– Слава богу никто не пострадал, и я закрою на это глаза. Взамен...

Хозяин лавки кивнул, согласившись, что всё справедливо.

– Я понял, Эмиль. Сообщу если увижу кого-то в такой одежде или узнаю о ком-то кто может возить её сюда.

Проводив взглядом неожиданных гостей, Старый Гоззо почувствовал холодок, пробежавший между лопаток и подумал, что надо бы уехать из города на пару денёчков. Подышать свежим воздухом на природе.

Кап! Пам! Плюх!

* * *

– Там не было рисунка Регины, – произнёс Ганс пододвинув Боцмана сидевшего рядом со мной на козлах. – Я точно помню.

– Ты прав, Ганс, – ответил я, кивнув на прощание Гоззо замершему в дверях своей лавки. – И какие ты делаешь из этого выводы?

– Может это всё она...

– Нет, – коротко, с улыбкой ответил я. – Хочешь, чтобы я тебе доказал это?

Шумахер сначала попытался было меня уверить что не стоит, но потом запнулся на полуслове.

– Понятно. Курилка, правь в Липовый переулок.

Уже через пятнадцать минут они были на месте. Особнячок был древний, но всё ещё приличный. Фрау Юнгханс сдавала апартаменты приличным людям.

Регина, на этот раз в длинном сером платье с шарфом через шею и чёрных сапожках вышла из подъезда и отправилась вниз по улице пешком.

– Как обычно спала до поздна, – буркнул я себе под нос, только тогда поняв, что меня все слышали. – Если что-то будет, то сейчас...

Договорить я не успел.

Бабах! – пуля была направлена прямо в грудь теурга, но врезалась в защитный купол (поднявшийся за долю секунды до попадания в цель в ответ на еле заметное движение большим и указательным пальцами). Однако на этот раз кусок металла не откололся в сторону и не был, разбившись на мелкие частички, поглощён щитом. Он превратился в сферу размером с яблоко буравившую защиту с громким лязгающим звуком, напоминавшим клацанье капкана.

Бабах! – второй выстрел превратил в пепел статую сирены, установленную у входа в Старый парк мимо которого проходила Колд.

– Дом с красной черепицей! Стрелок на крыше над третьим окном слева! – прокричал я и длинноствольные мушкеты в наших с Курилкой руках дружно гавкнули.

Ни Галгарпер, ни Рассада из таких стрелять нормально не умели так как в армии не служили. Им больше сподручнее было палить из пистолетов и мушкетенов.

Нет, мы не убили стрелка, но спугнули его. Тяжёлые пули заставили его вскочить с места и забросив оружие за спину понестись вскачь.

Регина, тем временем, рыча словно разъярённый зверь пыталась справиться с магией убийцы. Камни под её ногами растрескались, цветы в клумбе у стены на глазах скукожились и почернели. Пламя сверкнуло в зрачках ведьмы и волосы, собранные в пук с помощью заколки, отлетевшей в сторону, разметались по плечам.

Вжух! Секунда-другая и сгусток энергии, пытавшийся убить теурга помчался вслед стрелку.словно порыв ветра, он всколыхнул деревья, захлопал форточками и дверями, вырывал зонтики из рук прогуливающихся дам и кавалеров, а затем угодил в спину снайперу разорвав пополам. Точнее от бедняги остались только ягодицы и ноги, всё остальное превратилось в красное облако, пролившееся над домом кровавыми каплями.

Забросив ружьё внутрь кареты, я подошёл к Регине шутливо поклонившись.

– Не мог предупредить? – женщина прикусила зубками нижнюю губу.

– Предупредил ещё вчера. Гонец не добрался до тебя?

– Я о покушении.

– Не знал о нём.

На балконе третьего этажа старуха в белом халате с воплями пыталась сорвать с себя одежду догадавшись, что за дождик её полил.

– Но предполагал.

– Хотел, чтобы мои товарищи убедились, что ты не при чём. Твоего рисунка не было среди наших, – сказано это было абсолютно искренне, и Регина это поняла.

– Я применила маску. Они не видели моего лица. Только вы.

Ганс в трёх шагах от нас с досадой хлопнул себя по лбу.

– Я так и думал.

Регина сделала три шага вперёд оставив позади расплавленные камни мостовой и потрескавшуюся стену сада. Вытащив из стены заколку в виде девушки с поднятыми ветром вверх волосами, она посмотрела на меня с каким-то странным выражением.

– Куда едем?

«Так это было смирение», – понял я постаравшись запомнить этот исключительный момент. Вполне возможно такое больше не произойдёт».

– Так просто? Думал тебя придётся уговаривать.

– Нет, – теург резко мотнула головой (слишком резко). – Это была очень-очень сильная магия. Но не только. Ты понимаешь? Второй раз. Так куда едем?

– У меня есть идея, – бросил я через плечо направляясь к карете.

* * *

Никогда в моём доме не было столько гостей.

Фрау Хубер и Марта были в шоке от свалившихся на их плечи забот.

Рассада с сестрой – симпатичной, но очень бледной девушкой осторожно переставляющей ноги, Галгарпер с двумя чемоданами, фотографией жены в рамочке, подушкой в розовой наволочке и усами живущими собственной жизнью (по крайней мере так казалось из-за их постоянного движения), Бруни с саквояжем и стопкой книг, Тимс на кровати, но с женой и двумя детьми, Кавана целующий всем дамам руки с цветущим фикусом, Регина с заплечной сумкой раньше принадлежавшей мне, Метель в кандалах, но улыбкой до ушей, ну и Шумахер с школьным ранцем... один, родители его удачно уплыли в Линдсчестер ещё три дня назад. Я даже Боцмана уговорил остаться. Но тому и собираться не надо было часть его вещей хранилось в армейском рюкзаке в моей комнате.

Встречала всех моя Клара в розовом платье и белых лакированных туфельках. Дочери очень нравился весь этот кипишь, а ещё больше ей нравилось, что фрау Хубер теперь будет вся занятая-занятая, а она предоставлена сама себе и сможет перезнакомиться с гостями, наполнившими наш дом жизнью.

Ужин начался с неловкой паузы. Мои коллеги, погружённые в тяжкие мысли, не могли расслабиться и усевшись за стол смотрели сквозь тарелки и яства на них. С одной стороны, я их понимал с другой... по-моему, проблемы нужно оставлять за порогом столовой. Вон как Боцман, у которого уже за ушами трещало жаркое и домашний хлеб.

– Я очень рада приветствовать всех в нашем доме, – вдруг звонко заявила во всеуслышание Клара. – И ещё... смысл жизни не в том, чтобы ждать, когда закончится гроза, а в том, чтобы учиться танцевать под дождем.

Моя любимая поговорка, произнесённая ребёнком, встряхнула всех присутствующих. Ну кроме курилки.

Фрау Хубер кивнула довольная своей воспитанницей и опустив пенсне свободно повисшее на цепочке на шее, воткнула вилку в кусок запечённой рыбы.

Умница! – произнёс я одними губами улыбнувшись дочери и ещё раз обвёл взглядом своих гостей (наконец-то зашевелившихся и потянувшихся к столовым приборам). «Танцевать-то мы умеем, нам бы подходящего партнёра найти. А то наш всё прячется, да действует

исподтишка» – подумал я, отправляя в рот ложку восхитительного рыбного суфле и тут же забывая обо всём на свете.

А за окном, на западе, клубились тучи среди которых посверкивали молнии.

Глава 19. Ловушка

На столе, накрытом белоснежной простынею перед нами лежали расколотые пополам остатки винтовки из которой стрелял убитый Региной снайпер.

Разобрать что-либо было сложно. Металл умудрился расплавиться, смешавшись с деревом, дерево в свою очередь почернело и обуглилось. Теурги страшная сила. Кто бы сомневался.

– Винтовка сделана на заказ. Привозная даже к бабушке не ходи, – сразу заявил Галгарпер, большой специалист по изъятию у населения оружия, указывая пальцем на приклад. Наши пяточку резиной обкладывают, а тут обмотка. И не простая, крестом.

– Так делаю в Збеште, – кивнул Стич соглашаясь с сержантом. – Пули магические были. Винтовка хоть и дорогая, но обыкновенная. Винтовальная фузея.

– На пулю я бы посмотрела, – вставила Регина, поправив прядь волос, упавшую на лоб.

– А что с той пушкой которая магией стреляла на Майорской пристани? – спросил Ганс с загоревшимися от возбуждения глазами, который уже не в первый раз пытался донимать меня по этому вопросу.

Мне самому было интересно что с ней. И ещё как! Это же ниточка, да нет, целый канат! Не мог же я её укатить с собой и спрятать? Но вслух я этого не произнёс.

– Штуковину эту у нас Ночные стражи забрали.

Все замершие вокруг стола скорчились будто съели жёлтый фрукт который возят в Висмарбург залемханцы.

– У них теперь не заберёшь, – резюмировал Галгарпер.

Цок! Цок! Цок! – через комнату с деревянной лошадкой под мышкой через столовую процокала каблучками Клара, подмигнув мне.

– А почему вы не возьмёте живым хотя бы одного охотящегося за вами противника? – Колд рассматривала пепел и сажу снятую пальцем с повреждённого оружия.

– У них языки отрезаны. В том числе и у того которого я аккуратно подколол в том переулке рядом с Рассадой, – пояснил я, протягивая ей платок, которые у меня были на все случаи жизни.

– Но тот детина у дома кузнеца с нами говорил. Разве нет?

– Верно, – я чётко до мельчайших подробностей вспомнил ту схватку возле домика Стринника, которую прокручивал мысленно в голове и не раз. – Говорил. Жаль, что мы его убили. Я убил.

– Так надо их мысли прочесть! Мозги-то на месте. Да? – Кавана соорил Регине глазки.

– Я не такой маг! – возмутилась та.

– Что значит не такой? – поддержал красавчика Шумахер.

– Теурги боевые маги, а не шарлатаны с ярмарки! – женщина стала похожа на шипящую от злости кошку. Мне даже показалось, что зрачки её стали вертикальными сузились в щёлку.

В комнате стало душно. Канарейки в клетке тревожно запрыгали по перекладинам странно попискивая.

Никто не попытался даже спорить. Кашлянув в кулак Кавана сделал вид, что разглядывает носки своих острых туфель, а стажёр мой давился водой из стеклянного стакана уставившись в окно.

Коснувшись пальцами локтя Регины, я почувствовал, как та расслабилась.

– И всё-таки надо продолжить. Стич сейчас выманивает их на себя.

– Значит будем надеяться на языка... пошевелил усами Галгарпер.

– С языком! – Рассада засмеялся и все остальные подхватили.

Проходящая мимо столовой с подушкой в руках фрау Хубер удерживающая перед собой подушку недовольно покачала головой. Шутка балагура явно показалась ей неудачной.

* * *

Тройка в плащах на ходу спрыгнула с кареты, которая не останавливаясь промчалась мимо дома. Стремительным броском налётчики оказались у фасада здания и вот уже в окно комнатки Стича полетела дымовая граната, а двери в подъезд были выбиты с петель. Ботинки застучали по лестнице перемежаясь с металлическим лязгом.

Бах! – выстрел в дверь дробью изрешетил к чёртовой матери створку превратив в куски и острые щепки крепкую дощатую поверхность.

Бам! – второй разнёс в клочки кровать Стича и куклу из одежды. Вмести они влетели внутрь, вынимая короткие двухствольные пистолеты из-за пояса.

Третий убийца тем временем остался внизу, встав на площадке между первым и вторым этажом поводя ружьём из стороны в сторону.

Пора! Я спрыгнул на первого сверху. Всё это время держался за полку, прибитую почти под потолком. Моё колено вонзилось прямо в затылок здоровяка, но тот только качнулся и развернувшись тут же всадил пулю в стену рядом со мной.

Одновременно Стич выкатился из-под шкафа вонзив нож в лодыжку второго. Заорав от боли тот послал пулю в доски под ногами и рухнул на колено.

Судя по звукам внизу там тоже шёл бой. Кавана и Рассада пытались взять живым оставшегося в подъезде противника.

Рукоятью ножа я саданул своего противника в лоб и кровь брызнула ему на лицо, потекла по щекам. Выставив руку вперёд от сделал шаг назад к стене и снова выстрелил. Но целился он не в меня, нет! В своего товарища, которого Стич уже вязал на полу.

Пуля пробила лопатку с левой стороны и уже почти упакованный язык беззвучно обмяк в руках ветерана.

Со злости я схватил стоящий на полу стул и разбил его о голову первого. Тот удивлённо взглянул на меня, а потом рухнул на пол лицом вниз.

– У моего был язык, – сообщил Стич поднимаясь с пола.

– У моего к сожалению, нет, но всё равно его берём.

Заломив руки бесчувственному налётчику мы на пару потащили его вниз.

– Он, когда понял, что не вырвется. На собственный нож прыгнул! – разведя руками Рассада отошёл в сторону демонстрируя лысого здоровяка с кучерявыми бровями лежащего в луже крови. – Правда и у этого языка нет.

Кавана кончиком кинжала ловко разъял челюсть трупа показав мне зарубцевавшийся обрубок в глотке.

* * *

Две здоровенные серо-белые зверюги размером с тигров сидели рядом с моей дочерью на лужайке внимательно разглядывая как она играет с куклой.

Обыкновенная тряпичная игрушка с жёлтыми волосами пружинками и улыбающейся мордочкой. На груди её висел мерцающий тёмно-зелёный камешек на цепочке в простой бронзовой оправе.

– Грёзы!? Ты привязал к моей дочери грёз? – спросил я возникшего за спиной Аддингтона опирающегося на трость.

Когда наша компания появилась на алее хищники на время насторожились, встопорщив шерсть на загривке и обнажив клыки, но затем успокоившись снова улеглись у ног Клары.

Грёзы не были собаками. Пару лет назад я читал статью о том, что они относятся к неизвестному виду млекопитающих и обитают на другом континенте. Не уступая умом собакам, а иногда и превосходя его, они становились верными друзьями и охранниками. Будто бы зверюги даже человеческую речь понимают. Вес, скорость, два ряда клыков, серповидных когтей и разум плескавшийся в зрачках делал их чрезвычайно опасными противниками. Вот только

приучить можно было только щенков и стоили они баснословные суммы. Поистине, царский подарок.

– Да. Это Тень, коснулся пальцами в перчатке треугольной головы самки с острыми ушами, – а эта с тёмным пятном на морде – Мгла.

Обнюхав мои руки парочка-охранниц пропустила меня к Кларе.

– Амулет можешь через недельку выкинуть, – улыбнулся бывший старший инспектор. – Магия выветрится, а грёзы всегда будут с девочкой и порвут за неё любого. Да и я буду чувствовать себя намного спокойнее зная, что они охраняют крестницу.

– Спасибо Корнелиус.

– Не за что Эмиль. Не за что. С чем приехали?

Глава 20. Складская 8

Маленькая синичка с громким щебетом гонялась над нашими головами за огромной стрекозой. Я всегда удивлялся как разнокалиберная живность приспособливалась к бесконечному дождю, поливавшему город и его окрестности, днём и ночью.

Нет, ну люди-то понятно. Их фиг чем удивишь и уничтожишь. Построили мощную канализацию, акведуки, заставлявшие дождевую воду служить на благо жителей, районы в низине подняли с помощью свай или специальных платформ. Целый океан воды следуя велению сумрачных гениев круглосуточно бурлил под нашими ногами. Э-лек-три-чес-тво какое-то даже придумывали благодаря этому вырабатывать. Деревья, опять же, посадили такие которые не захлёбываются влагой, не гниют и цветут круглогодично без помех. А что насекомые, птицы, крысы в конце концов?

Первые с сотворения мира прекрасно выживали, и сейчас особых проблем с этим не испытывали, правда широко представлены были в основном всякой мелочью. Допустим крупных тараканов, пауков, богомолов, как в Эдинбате, не видел тут ни разу. Крыс на чердаках и в птичьих гнёздах, я насмотрелся предостаточно, впрочем, в последнее время (после реконструкции, и чего греха таить, восстановления туннелей, частично рухнувших в 1782 году) они начали массово переселяться туда где обитать и должны – в подземелья и многочисленные дренажные трубы. Птахи и пичуги, когда-то проигравшие войну грызунам, и попрятавшиеся на фасадах многоэтажных зданий, занимали освободившееся места, вместе с людьми радуясь редким солнечным часам. Вот таким как сейчас.

– Почему мы не ищем гадов, которые хотели нас убить? – спросил Шумахер лениво взглянув на распростёртое у ног тело девушки в голубом чепце.

Разглядывая счастливо шутившегося в лучах солнца Метель, исполнявшего сегодня роль нашего кучера, я ответил:

– Ганс, мы же не можем бесконечно рыскать по городу в поисках этих типов. У нас и другая работа есть. Мулине нам этого не простит.

– Понимаю, – кивнул тот, зябко передёрнув плечами. – Но ведь они угрожают нам, нашим родным...

Стажёр замялся, но я понял его сомнения.

– Всё верно. Мы работаем. Постовой, докладывайте!

Последняя моя фраза была обращена к долговязому стражу уже минут пятнадцать замершему перед нами в стойке смирно. «Как же его зовут?» – подумал я, перебирая в памяти калейдоскоп имён.

Смахнув платком каплю влаги, побежавшую было из носа, он заглянул внутрь маленького блокнота с отрывными листами:

– Потерпевшая – Джисела Геккель, восемнадцать лет, племянница вдовца Ланзо Геккеля. Вот его лавка за углом. Складская 8. В наших списках Геккели не значатся. Предположительно убита в период с восьми до десяти вечера ударом тупого предмета в височную область.

Склонившись над телом девушки-брюнетки с вьющимися волосами и носом-пуговкой, я коснулся пальцем подошвы её обуви и уточнил:

– Известно куда и откуда шла?

– Да, гер инспектор, – вздёрнул подбородок постовой. – Дядя говорит, что в шесть вечера она отправилась к своей подруге Анне Штрубе на Каретную 12. Обычно гостила она у неё часа три и около девяти возвращалась домой. В половине десятого Ланзо Геккель забеспокоился. Вышел её встречать и обнаружил в переулке тело.

– Почему сразу нас не вызвал?

– Говорит был в шоке.

Стрекоза в конце концов стала добычей шустрой синички и птичка, прямо на мостовой, под копытами Бруснички, начала рвать тело насекомого маленьким клювом и лапками с коготками на конце.

– А кто её видел последний? – Ганс на корточках тщательно осматривал каждый сантиметр тупа, лежащего на животе, при помощи лупы подаренной ему Бруни. – Подруга?

– Никак нет, – щёлкнул каблуками поставой. – Штрубе утверждает, что Джисела к ней вчера не приходила. Хотя вроде бы собиралась. У убитой скоро свадьба и Анна подружка невесты. Все вечера проводят вместе.

– Вот как! – удивился я, подмигнув выглянувшему из кареты сонному, немного помятому Стичу удивлённо уставившемуся на утреннее солнышко, пробивавшееся сквозь тучки (пусть спит впрок, а то ночка нас ожидает весёлая). – А кто же тогда последний видел её?

– Шпеер, – длинные пальцы стража пробежались по листкам блокнота. – Местный молочник. Сорок пять лет. Один раз доставлялся к нам по жалобе соседки. Не поделили кладовку. Он вчера в пять вечера приносил творог и сметану, и девушка поприветствовала его и расплатилась с ним. Никаких телесных у неё не видел. Всё было нормально.

– А жених? Он где? – ожил Ганс разглядывая гематому на голове девушки.

– Тим Бёрг. Двадцать девять лет. Не привлекался. У него алиби, проверили. Он с бригадой работает за городом. Прибудут только в среду. На свадьбу бедняга зарабатывал, – вздохнул долговязый поставой по фамилии Мерс.

Вот фамилию вспомнил, а имя...

Вдоволь наевшись, синичка начала чистить свои крылышки и желтую грудку прыгая между лошадиными копытами.

– Каретная 12 это в половине квартале отсюда? – уточнил я у стража. – В конце переулка? Это там, где вчера трубу дренажную прорвало?

– Совершенно верно инспектор. «Городской глашатай» писал об этом. Трубу запаляли, но лужа до сих пор огромная и грязища, аж до рынка за соседним домом. Там же наклон так вот, всё к нам сбегает.

– Хм... – я сделал несколько шагов и выглянул из-за угла.

Возле скобяной лавки на старом ящике сидел мужчина средних лет с длинным носом, непромытыми волосами и выцветшими серыми глазами. По лицу его катились слёзы, которые он то и дело вытирал скомканным в кулаке платком. Взгляд вдовца был направлен себе под ноги, губы крепко сжаты.

Рядом с Геккелем стоял второй поставой – толстячок с яркими веснушками на щеках. Фамилию этого я знал. Бреер был двоюродным племянником Мулине. Не слишком сообразительный, зато старательный и хладнокровный.

Подняв голову и сдвинув треуголку на затылок, я увидел, что от самого входа в лавку и до выхода из переулка по правой стороне стены тянулся самодельный козырёк, защищающий хозяев от дождя. Убитая как раз и лежала под таким козырьком.

Вернувшись в переулок, я увидел, что Стич пододвинул Метель на козлах и поделившись с налётчиком едой, уплетал бутерброд с ветчиной и сыром, а наглая синичка кружилась над ними изредка пытаясь выхватить хлеб из рук.

Стажёр мой тем временем поднялся с земли, отряхнул колени и чуть помедлив спросил:

– Что пропало?

На этот раз долговязый поставой в блокнот не заглядывал, а перечислил всё по памяти. «Молодец какой!»

– Серебряное колечко с русалкой, которое Бёрг подарил на помолвку, серёжки с янтарём и простой кожаный кошелек украшенный красной тесьмой. Но там вряд ли было больше пяти-шести талеров.

– Убили девушку из-за такой мелочи? – удивился Ганс бросив взгляд на меня.

Я ничего отвечать ему. Просто наклонил голову и поднял брови как бы приглашая высказаться самому.

– Мне нужно съездить к Штрубе, чтобы опросить её, – как-то неуверенно произнёс парень, поворачиваясь к постовому.

Еле заметным движением Метель поймал дерзкую птичку. Осторожно удерживая хрупкое тельце, он щёлкнул по клюву пальцем и отпустил синичку. Птаха обрадована взвилась над каретой что-то снова щебеча и скрылось над крышами домов.

– Перед тем как ехать туда, Альбус, – наконец-то вспомнил имя стража я, – возьмите под стражу её дядю.

Мерс щёлкнул каблуками, а Ганс открыл было рот и с клацнув челюстью закрыл его.

– Почему?

Чуть разочарованно, но терпеливо я пояснил:

– Всё очевидно. Обувь девушки абсолютно чистая, подол платья тоже. Не вижу на ней ни плаща, ни зонта. Забрали грабители? Зачем? Скорее всего они дома на вешалке или у камина. Если бы она отправилась к подруге замаралась бы, покинула переулок, тоже. Двое суток дождь лили без остановки.

Ганс остервенело вцепился пятернёй в свои золотистые вихры, Альбус расплылся в широкой улыбке кивая на каждое моё слово, а я тем временем продолжал:

– Ссора скорее всего произошла дома. Живут они с дядей вдвоём. Ударил, понял, что натворил, вытащил на улицу, изобразил ограбление. О плаще, зонте, чистой обуви не подумал так как привык у себя чистым ходить. Козырёк надёжно прикрывает. Допрашивайте его.

Не успел я закончить как наверху громыхнуло и словно по щелчку с неба полился дождь.

Браслет на моём запястье загорелся ярко зелёным светом, что означало что меня вызывает начальство. Наконец-то начальник Городской стражи снизошёл до нас.

Глава 21. Это был хороший план

Щёлк! Клац! Горка очищенных фисташек – любимое лакомство моей Клары, лежала на столике перед дочерью. Следуя наставлению фрау Хубер, она тщательно прожёвывала каждый орешек.

– Сегодня опять придёшь поздно?

– Да моя хорошая, – кивнул я дочери укладывая поверх орешков ещё один – крупный и гладкий. – Мы все сегодня придём домой поздно. Ты уже будешь спать.

– Поооонятно, – грустно затагнула моя рыбка отчего мне стало не по себе.

– Как тебе наши гости? – поспешил сменить тему я.

Прямо в цель! В глазах Клары блеснула радость.

– Отлично папочка. Они все такие классные. Все-все! Даже Фимус, младший сын дяди Тимса, который ест КОЗЯВКИ! Представляешь папа!/? А мама его ему даже замечаний не делает!

– Думаю это до первой встречи с фрау Хубер, – рассмеялся я, отправляя в рот, раскрывшийся (бракованный) орешек. – А кто тебе больше всех нравится?

Дочь наморщила лоб и перестала жевать. А потом выдала следующее:

– Это сложный вопрос. Герр Бруни очень умный. Мне кажется, когда я с ним рядом – тоже становлюсь умнее. Правда-правда! Не смейся! Рассада смешной, нет, скорее забавный. И очень любит сестру, пап. Он иногда просто стоит в дверях спальни и смотри на неё. Прислушивается. Убедится, что она дышит, улыбнётся и уходит.

Щёлк! Клац!

– Сержант с виду грозный, – продолжила Клара, – но такой тёплый. Обожаю с ним обниматься. Будто большой медвежонок из магазина игрушек. О Стиче и Боцмане я уже сто раз говорила... Кстати почему они спят в конюшне? ... инспектор Кавана слишком много смотрит в зеркало. Как девчонка! Но это, это ...

– Что это?

– Для виду что ли. Я ещё не поняла. Честно. Нет, он добрый... Можно я скажу потом?

– Конечно милая, – согласился я, делая в уме закладку. – А Метель тебе как?

– Иво классный! Пап смотри что он мне сделал! – улыбаясь дочь спрыгнула со стула и сняла с пояска матерчатый кошелек сделанный собственными руками на прошлое Рождество. – Посмотри, что внутри.

На стол со стуком вывалились маленькие хорошенькие фигурки из дерева каждая из которых без труда опознавалась. Вот Фрау Хубер с пенсне, Боцман с трубкой, Кавана с зеркалом, Рассада показывающий язык, сама Клара в платье, выкрашенном в васильковый цвет, а вот и я... с кандалами в протянутой руке.

* * *

Шелудивый пёс в подворотне оглашал округу своей жалостливой песней сообщая всем о своей нелёгкой судьбе. Выл он так, словно пытался заглушить бесновавшуюся снаружи непогоду.

Натянув котелок на лоб, налётчик застыл на месте прислушиваясь к порывам ветра раскачивающим деревянные вывески над давно заброшенными лавками и магазинами, противному скрипу флюгеров, крутившихся словно дьявольские волчки. Нет, точно, среди этой какофонии пробивался цокот копыт.

Он не ошибся. Крытая карета стражей остановилась возле лабаза и оттуда выпрыгнули двое мужчин. После чего экипаж, с кучером, под капюшоном которого алел огонёк курительной трубки, продолжил движение, а парочка, оглядевшись по сторонам, исчезла внутри.

Чертыхаясь и скользя подошвами по мокрым доскам, налётчик забрался на козырёк крыльца дома позади, и достал из внутренностей куртки маленькую подзорную трубу.

Внутри склада загорелся свет и сквозь грязные, треснутые стёкла в окуляр удалось разглядеть прикованных кандалами к балке над их головой, обнажённых по пояс здоровяков. В количестве двух штук.

Пришедшие что-то говорили им. Громко, почти кричали. Вот они отошли к противоположной части помещения... Это шанс! Пора!

Подчиняясь протяжному свисту подельники налётчика заняли свои позиции – четверо с винтовками на крыше соседнего здания, двое с ручными мортирами по краям лабаза на улице.

Новый сигнал и мортиры дружно гавкнули, оставляя за собой дымный след смываемый каплями ливня. Ядра разбивая стёкла угодили точно туда куда и должны были. Балка на которой висели пленные была вырвана из стены, и здоровяки оказались на свободе. Повторный залп мортир обрушил пол под ногами стражей, одновременно над их головами часто застучали выстрелы стрелков с соседней крыши.

Бабах! Третий и последний залп проломил стену, обращённую в сторону порта и налётчик видел, как пленники бесстрашно выпрыгнули со второго этажа в клубы дыма и щепок от досок, пока его подельники продолжали стрелять по стражам. Только пятки засверкали в сгустившихся сумерках. И это несмотря на то, что один из них был ранен, его вроде бы осторожно прикололи мечом к стене в тёмном переулке.

Теперь главное не потерять эту парочку, а также чтобы случайно они не попались в лапы ретивых защитников закона.

* * *

Порт и раньше-то был настоящим лабиринтом, а теперь, когда разросся, требовал сопровождения гида и карты поподробнее. Обывателям тут вообще делать было нечего и хоть рост преступности стражи держали в кулаке, маленькие трагедии всё равно нет, да и случались тут.

Дождь скрывал налётчика и его товарища от беглецов не только потоками льющей с неба воды, но и жадно поглощая все звуки.

Почти полчаса или около того, они терпеливо следовали за своей целью петляя между складами, горами и штабелями грузов, накрытых брезентом, полусгнивших бухт канатов и другой портовой ерунды, пока не добрались до причала. Не потерять след помог браслет с аметистами настроенный на объект. Он словно тянул тебя в нужную сторону.

Нет, беглецы не отправились к лодкам у дощатого помоста и даже не заинтересовались выстроившимися справа разнокалиберными яликами, управлять которыми пара здоровых, сильных мужчин смогла бы без особых проблем, они последовали к Площади Весёлого Франца где издавна хвастались своим уловом рыбаки и мореходы.

Остановившись на несколько секунд напротив трёхметровой перекладины с вбитыми в неё крючьями, на которые обычно на всеобщее обозрение и вешали морских гадов, парочка шмыгнула к установленным под навесом катушкам тросов.

Что они там делают? Неужели там у них тайник с одеждой и оружием? – подумал налётчик, удерживая своего подавшегося вперёд товарища за локоть.

* * *

Сняв платок с лица, Метель ошеломлённо остановился напротив раскачиваемых ветром тел. Босые ступни одного из мертвецов почти коснулись его локтя. Мимо прокатился пустой бочонок из-под рома совсем недавно служивший подставкой для ног другому.

И как же ловко они это сотворили! Раз и всё! И без сомнений... сожалений... да как так-то? Кто они вообще такие?

Рассада ругался за его спиной не хуже заправского морехода, когда из темноты внезапно появились Лис и Стич.

– Зачем они это сделали? Не поверили в налёт, побег? Всё было зря? Неужели я где-то прокололся при планировании? – кинулся преступник навстречу инспекторам.

– Всё было идеально, Иво. А насчёт остального... важнее не ЗАЧЕМ, – задумчиво произнёс Бюлов сняв треуголку и подставив лицо крупным каплям дождя. – А ПОЧЕМУ ИМЕННО ЗДЕСЬ.

Глава 22. Кружева

Ущипнув за сосок полногрудую брюнетку, Август Бонке пьяно засмеялся, когда девчонка вскрикнула и соскочила с его колена.

– Ишь, недотрога! Плевать! Я толстух всё равно не люблю! А тут у нас кто?

Повернувшись к сидевшей с другой стороны рыжей шлюхе с полными губами, закинувшей на него ногу в чёрных чулках в мелкую сетку, Август, сначала опустил плотоядный взгляд на обнажённый живот женщины, а затем ловко подцепив пальцами жёлто-красный кустик на лобке дёрнул волосы на себя.

– Ай! Больно! Ты что идиот?! – оттолкнув его соскочила с диванчика проститутка.

Всё ещё давясь от смеха старший надзиратель погрозил рыжей пальцем и пошлёпал потной ладонью по диванчику рядом с собой.

– На место! Тоже мне цаца! Я оплатил целую ночь!

Нехотя, та вернулась на диван усевшись рядом с Бонке.

Внизу раздались крики, шум, у дверей затопали подошвы тяжёлых сапог. «Опять что ли девку не поделили? Дурачки вон же их сколько!» – подумал Август сжимая в ладони острую грудь с большими тёмно-вишнёвыми сосками.

Тук! Тук! – раздалось за дверью. Старший надзиратель и ухом не повёл. Губы его впились в шею рыжей оставляя на коже лиловый засос.

Бам! Бам! – на этот раз в дверь постучали сильнее.

– Грон, выкини ты их к чёрту! Пусть ищут других девок! – в бешенстве заорал Бонке своему охраннику – здоровенному детине с кулаками размером с пушечные ядра.

Клац! Дверь открылась и Грон, лицо парня было словно вырубленным из камня, заглянул в комнату.

– Гер Бонке, простите, но я не могу их выгнать...

– Почему, глупый ты дебил?! За что я тебе плачу?!

– И всё-таки не могу. Это же...

– Потому что в гости к тебе Август зашли Городские стражи!

Старший надзиратель «Десяти пальцев» икнул и быстро-быстро начал натягивать штаны, которые уже было спустил до колен.

– А ч-ч-ч-то т-т-т-акое? – произнёс он, заметив среди заполнивших комнату вооружённых мужчин Эмиля Бюлова.

Мурашки побежали по спине надзирателя. И он тут же трижды пожалел, что взял те деньги и... хотя, конечно, от такой огромной суммы отказаться было невозможно.

– Вот же счастье тебе привалило, да приятель? – бухнулся рядом с ним на диван улыбочивый страж с зубочисткой в зубах на шее которого висел грязно-жёлтый шарф.

Пистолет в руке балагура устался в живот надзирателя покрытый кучерявыми волосками.

– Я, не п-п-понимаю, – заикался Бонке, провожая взглядом покинувших комнату девиц, за ночь с которыми он отдал своё месячное жалование.

Лис, так кажется звали преступники Бюлова, перешёл сразу от слов к делу. Схватив Августа за шиворот, он потащил его к окну.

– Отпусти меня! Отпусти! Что тебе надо?! Ты право не имеешь! Я работаю на город и регента! – кричал надзиратель пытаясь вырваться из крепкой хватки инспектора.

Не обращая внимания на вопли, инспектор распахнул второй рукой окно и вытащил мужчину на балкон.

– Меня интересует двадцать третье число.

– Что?! Почему?! А что там было?! Я не знаю!

– В этот день ты приказал выпустить заключённого Иво Бремера из изолятора. Кто тебе приказал это сделать?

Новая порция мурашек заставила старшего надзирателя передёрнуть плечами.

– Приказал начальник тюрьмы! Начальник тюрьмы! Я тут не при чём!

– Не ври. Начальника тюрьмы в этот день не было на службе. У него заболела супруга, и он сопровождал её к врачу. Кто?

– Я не знаю! Я не при чём! – спиной Бонке упёрся в ажурные чугунные перильца балкона.

Бюлов резко толкнул Августа вниз в последний момент схватив за ногу. Падение с шестого этажа на острые камни, по которым в бешенстве хлестали волны, вызвало пронзительный вопль у старшего надзирателя.

– Кто?

– Они убьют меня! Убьют! – дрожа всем телом кричал Бонке.

– Я так и понял, – кивнул Бюлов. – Поэтому даю тебе выбор, либо ты умрёшь сейчас, разбившись о камни, либо всё расскажешь мне, а там мало ли как выйдет. Вдруг сумеешь выкрутиться. Сбежишь из города. Службу то ты уже бросил.

– Бюлов, ты отпустишь меня? – жалостливо заскулил Август обливаясь холодным потом. – Обещаешь?

– Обещаю.

– Человек в плаще подошёл ко мне в «Красной луне» и предложил шестьсот талеров. ШЕСТЬСОТ! Это целое состояние.

– За что?

– Чтобы убить Метель! И всё! Целых ШЕСТЬСОТ талеров за убийство никчёмного уголовника!

Инспектор переглянулся со своими товарищами замершими позади.

– Как платили?

– Всё сумму сразу и бутылку Аранийского. Бутылка ценой в двести талеров! Божественное вино!

– Что потом?

На мгновение старший надзиратель задумался, а потом снова завопил чувствуя, что штаны сползают с него:

– Всё! Честно! Я встречался с ними один раз. Мы договорились о том, что убийство должно произойти в течении суток. Если Метель не удастся ликвидировать внутри тюрьмы нужно просто вывезти его к Ослиным ушам. Нас там должны были встретить.

– Ты не поехал?

– Конечно нет, – боясь делать лишние движения Бонке прижал руки к груди. – Я же не дурак.

– Что ещё можешь сказать? – на этот раз вопрос задал парень с зубочисткой.

– Ничего! Ничего!

Будто издеваясь инспектор тряхнул побелевшего от страха Августа.

– Как мне найти этих людей?

– Ааа! Я не знаю! Не знаю! У говорившего со мной не было мизинца на левой руке.

– Что-то ещё?

– Да всё! Честно! Всё! Отпусти меня!

– Где вино?

– Вино? Аранийское? На столике перед вами! Я его даже открыть не успел! Сохранил для специального случая! Отпусти меня! Ты обещал!

– Из-за тебя погибли люди.

НА этот раз Бонке с удивлением взглянул на Лиса:

– Какие люди? Те преступники которых убил Метель? Туда им и дорога!

– Кубер и Лонкест бывшие солдаты и в «Десять пальцев» попали из-за кляузы своего бывшего командира. Оказалось, что они не виновны.

– Это Метель! Метель их убил!

– Нет, он всего лишь защищался. Это сделал ты, когда пообещал им свободу в обмен на убийство грабителя, планирующего побег.

– Но они сами согласились!

– Ты не оставил им выбора.

Нога бывшего старшего надзирателя онемела, и он её уже не чувствовал.

– Эмиль, ты обещал меня отпустить! – жалобно застонал он.

– Я всегда держу своё слово.

* * *

Напольные часы грудой обломков лежали возле стены. То ли их тиканье достало хозяина кабинета, то ли... , впрочем, что с ними могло произойти придумать я не успел.

– У меня просто нет слов, – начал со своей любимой фразы начальник городской стражи облокотившись на стол.

Рядом с ним стояла кружка горячего какао, но он даже не притронулся к нему.

– Бойня в госпитале, сгоревший дом Галгарпера, попытка покушения на Рассадку, нападение на Бремера, смерть Пибоди, да вас всех хотели убить! Есть мысли инспектор?

Мулине был бледен и в сумраке кабинета лицо его выглядело весьма болезненным.

– Есть, – коротко бросил я.

– Слушаю вас.

При посторонних он всегда обращался ко мне на «вы».

– ...

– Ну чего вы замолчали, инспектор?

В углу кабинета в кресле у окна кто-то кашлянул. Когда человек подался вперёд я разглядел его – Арнольд Пфейффер собственной персоной. Старший инспектор Городской стражи Висмарбурга. Самый странный сотрудник Мулине.

Нет, раньше должность старшего инспектора было одной из ключевых. Тот же Аддингтон обладал большим влиянием и пользовался уважением. После назначения Мулине всё изменилось. Сначала я заподозрил нового начальника стражи в любви к власти, которую по сути он ни с кем не делил, но мнение моё со временем изменилось.

Так зачем же нужен Пфейффер? Этот склизкий, холодный типчик ничего кроме омерзения у меня не вызывал. Откуда он вообще взялся на нашу голову?

Сплетя пальцы рук на груди, старший инспектор осторожно, тщательно подбирая каждое слово, произнёс:

– Кхм. Может быть я смогу пояснить, гер Мулине?

– Попробуй.

– МЛАДШИЙ инспектор (младший было специально выделено интонацией), наверное, предполагает, что цепь трагических случайностей преследует его после рейда в Геенну.

– Трагических случайностей? – удивился я развернувшись к говорившему всем телом. – Вот как вы это называете, СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР?

– Но ведь мы ничего точно не знаем, – развёл руками Пфейффер.

Взяв кружку с какао хозяин кабинета взглянул на неё, а затем снова поставил на поверхность стола.

– Где дети?

– В надёжном месте, – ответил я, взглянув в глаза Мулине.

– Хорошо. Это хорошо.

Зашипев как змея, старший инспектор скривил тонкие губы. Он явно мнение начальника не разделял.

– Если бы мы знали их местонахождение...

– Нет, – отрезал я, постаравшись, чтобы в голосе моём звенела сталь.

– Но это возмутительно!

– Это спасает им жизнь!

– Арнольд успокойтесь, – начальник городской стражи устало потёр лоб ладонью.

Некоторое время мы словно корабли в тумане плавали в напряжённой тишине, а затем Мулине встал и обошёл стол.

– Чем займётесь теперь, инспектор?

Продолжая разглядывать буравящего меня взглядом Пфейффера, я пожал плечами:

– Нужно ещё кое-кого навестить.

– А может быть хватит?! – старший инспектор топнул ногой по полу застеленному мягким ковром.

– Я сам Арнольд! Бюлов, я требую, чтобы о каждом своём шаге, впредь, вы докладывали мне лично. Ваше самоуправство неприемлемо. Это понятно? Иначе я лишу вас поддержки и ресурсов управления.

Всё вышесказанное Мулине оставило у меня странный осадок фальши. Будто он играл. Или это я просто устал и что-то придумываю себе на пустом месте?

– Понятно, гер начальник, – согласился я, видя, как Пфейффер расслабился и вернулся в своё кресло.

Будто снова услышав громкое тиканье напольных часов, я нашёл взглядом их обломки у стены. Когда они работали ненавидел их, а теперь кажется скучаю. И всё-таки что произошло здесь?

– Вы свободны Эмиль, – устало махнул рукой хозяин кабинета быстро теряя ко мне интерес.

– Да, гер начальник, – щёлкнув каблуками я отправился к двери.

Уже выходя из кабинета, я мельком взглянул на стоящего ко мне спиной Мулине и чуть не вздрогнул. Указательный и безымянный пальцы правой руки начальника городской стражи, удерживаемой за спиной, были скрещены между собой. Он будто специально демонстрировал мне это, прося помощи.

Глава 23. «Красная луна»

С большим трудом я подавил в себе желание вернуться в кабинет. Закрывая дверь, увидел, что напряжённая спина Антона Мулине расслабилась, а значит я всё сделал правильно. Ещё не время. По крайней мере, пока.

«Над всем этим надо хорошенько подумать», – спускаясь в лифте на первый этаж размышлял я.

Внизу кажется кто-то ругался. Многоголосое карканье то гневно заглушало звуки дождя за окнами, то превращалось в милое кудахтанье.

– Носитесь по всему городу, крушите всё, а нам потом разгребать да?! – надрывался Гобкинс натужно хрипя.

Как приятно, когда коллеги по работе тебя во всём поддерживают, – подумал я, меряя шагами коридор.

В фойе, возле входа, друг напротив друга замерли мои товарищи и стражи во главе с Фрусом, Рафлом и Гобкинсом. За спинами их толпилось два десятка правоохранителей разного ранга.

Шумахер рвался в бой, но рука Боцмана крепко удерживала его за плечо. Справа и слева, плечи сомкнули Кавана, Рассада, Бруни и хмурый Галгарпер. Стич своей фирменной ленивой походкой прогуливался между готовых к схватке групп, по сути являясь единственной чертой, которую не решались пересечь подхалимы Пфейффера. Аппетитно похрустывая яблоком ветеран ждал меня.

– Ещё не известно во что они нас втравят! – пискнул Рафл поддерживаемый коллегами. – Ещё немного и регент вынужден будет вмешаться! Нам всем тогда не поздоровится!

Растолкав сгрудившихся стражей, я остановился напротив Ганса, демонстративно не замечая заворчавших позади противников.

– Готовы?

– Да, гер инспектор! – щёлкнул каблуками стажёр.

– Выезжаем, – бросил я, запахивая плащ на груди и прямо физически ощущая облако ненависти, сгустившееся за моей спиной.

– Куда? – некстати сорвавшимся голосом пропищал Рафл вытянув физиономию от возмущения.

Не удостоив его ответом я, хлопнул входными дверями «Мягких лап» выходя на крыльцо и полной грудью вдохнул свежий воздух.

Усеянная лужами площадь словно покрылась мурашками от вечернего холодного северного ветра дувшего со стороны океана. Огромное ночное светило нет, да и выглядывало из-за туч наполняя мир загадками и тайнами.

* * *

– Морды в пол! Если хоть кто-то голову поднимет пеняйте на себя!

Посетители «Красной луны» рядком лежали на грязном, заплёванном полу трактира опасаясь даже пошевелиться, а над ними расхаживали мои товарищи, вооружённые до зубов.

– Лис, мы между прочим не в Сером квартале! Это не твоя территория! – огрызнулся хозяин трактира удерживая руки на стойке так чтобы их было видно.

– Ты прав Геллен, – меланхолично, рисуя кончиком пальца что-то на грязном окне произнёс Кавана. – Это моя территория. Поэтому будь любезен не тани время и отвечай на вопросы. Очень тебе советую.

Изъятые у завсегдаев оружие грудой валялось у окна под охраной Шумахера.

– Спрашивайте, – безнадёжно буркнул себе под нос трактирщик, тряхнув косматой головой.

– Двадцать второго, двадцать третьего числа здесь побывал человек в плаще из кожи левиафана, – произнёс я, останавливаясь напротив Франка Геллена – бывшего угольщика, мясника, контрабандиста.

– Таким же как у вас инспектор?

– Почти.

Кашлянув трактирщик оскалился, показав мне мощные клыки, сделавшие бы честь любому хищнику за стеной.

– Китобои не ходят ко мне. У нас с ними... как бы это выразится помягче...

Хак! Подошедший позади Стич вонзил перед Гелленом свой нож. Удар был настолько силён, что стойка раскололась пополам из-за поползшей по ней трещины.

– Нам плевать. Отвечай на вопрос, – бросил ветеран, облокотившись на шкаф из которого торчали бутылки с винами.

Сглотнув, трактирщик закричал:

– Ханс! Ханс! Иди сюда немедленно!

Из подсобки, отодвинув шторку, выглянул тощий подросток с чёлкой, спадающей на глаза. Переступая через лежащих на полу посетителей, он приблизился к нам прижимая дрожавшие руки к груди.

– Да, дядя. Я слушаю.

Голос мальчишки был одновременно скрипучим и звонким, напоминая звук камешков, трущихся друг о друга на галечном пляже.

– Помнишь того типа, в плаще, который бросил тебе золотой соверен? – прорычал трактирщик племяннику.

– Конечно.

Сделав Геллену знак чтобы, он заткнулся, я склонился над подростком:

– Ты раньше видел его?

– Нет, инспектор никогда. Клянусь штормами и бурями.

– А позднее?

– Нет. Клянусь святой...

– Он был один?

– Он приехал на крытой повозке. Снаружи его ожидало ещё двое. Я как раз чистил лошадь снаружи и...

– Ты запомнил экипаж? – рука моя впилась в подбородок мальчишки.

– Таких сотни на улице. На шести колёсах. Похожа на повозку старьёвщиков, только чуть поновее. Правда кое-что мне... – мальчишка замолчал и задумался.

– Говори! – отпустив парня я приподнял его и усадил на прилавок рядом с дядей.

– Позади повозки двери были выкрашены в облупившийся зелёный цвет... и ещё я обратил внимание на то, что дно экипажа оковано металлом. Они заехали на лужу, влага брызнула, и я увидел, как засохший комок земли со дна отвалился, а там металл. Клянусь!

– Тебе не показалось? – спросил я, радуясь зацепке.

– Нет, инспектор! Я глазастый! – улыбнулся Ханс ловко подхватывая брошенный мной талер.

Дальнейшие события промелькнули вспышкой света перед глазами.

Двери трактира со стуком распахнулись и на пороге возникла троица разыскиваемых нами преступников. В руках один из них удерживал плюющуюся искрами гранату.

Не особо задумываясь над тем, что делаю, я спихнул Ханса с прилавка, схватил стол возле себя и швырнул его в сторону замерших у входа убийц. Брошенная в нашу сторону граната встретившись с деревянной столешницей брякнув отскочила под ноги троице и взорвалась.

Бабах!

Когда дым чуть рассеялся, а испуганные посетители «Красной луны» один за другим надсадно кашляя повыскакивали наружу, оглядел место взрыва.

– Все живы? – спросил я, отряхивая плащ и нахлобучивая на голову треуголку без которой чувствовал себя раздетым.

– Кха! Кха! Все! – откликнулся Кавана помогая подняться на ноги Бруни. – Повезло. Кхэ!

Идеальная причёска инспектора была безнадежна испорчена в волосах торчали щепки и даже куски стекла.

Окно у входа было выбито, дверь перекосило от взрыва, повсюду валялись куски мебели, среди которых ничком лежало два трупа в плащах. Первому осколками гранаты почти оторвало голову, удерживающуюся сейчас на месте только на куске кожи, а второму правую ногу и кисть на левой руке. По количеству крови было понятно, что песенка его спета. А вот третий...

Третьему повезло, взрывом его отбросило в зал хорошенько приложив о стену, на которой в беспорядке висели средневековые доспехи и другие ржавые железяки. Пока убийца находился без сознания стражи обыскали его и связали.

– А этот с языком! – расплылся в хищной улыбке Рассада, демонстрируя мне распахнутый рот пленника. – Повезло.

«Повезло», – подумал я кивнув. Но уж точно не этому бедняге.

Глава 24. Запах пороха

Пронзительный, до звона в ушах, свист Рассады был сигналом для показавшейся из проулка кареты запряжённой четвёркой лошадей управляемой Метелью.

Брусничка раздражённо таращила глаза и выпускала из ноздрей струйки пара. Ещё бы, она была довольна! Почти час простояла под дождём, да ещё в компании с Молю, которую терпеть не могла. К сёстрам Гортензии и Гвоздике она относилась без каких-либо эмоций. Зато лошадки мою капризульку обожали.

– Быстрее! Быстрее! – распахнул дверцу кареты я, жестом поторапливая стражей и Боцмана. – На нас и так вся улица пялится! Кляп ему в рот вставили?

Пришедший в себя убийца шипел от боли. С закованными за спиной в браслеты руками, задранными вверх, в сопровождении сержанта и Курта, он просеменил мимо.

– Всё сделали, Эмиль, – кивнул Галгарпер запрыгивая внутрь. – Язык себе ему откусить не удастся.

– Смотрите, чтобы голову не разбил или ещё чего не удумал! – бросил я хоть и понимал, что товарищи мои всё сделают как надо.

– Ты смотри, задержали кого-то!

– Пожар что ли был?

– Нет, взрыв. Так бахнуло, я аж суп на себя пролил.

– А я думал молния опять. Вот намедни у старого...

Несмотря на дождь возле «Красной луны» собралась приличная толпа. В окна соседних зданий выглядывали многочисленные зеваки. Всё-то им интересно!

Из дверей трактира всё ещё валил дым. Правда не такой густой как в начале.

– Думаешь заговорит? – спросил Бруни усевшись рядом со мной и стряхивая влагу с плаща и котелка.

– Говорят даже камни. В умелых руках конечно.

Ийехууу! – раздалось снаружи и кнут свистнув рассёк воздух.

* * *

Почти двое суток без сна. Усталость взяла вверх. Я заснул, прислонившись к стенке повозки и снилась мне... армия, война и тот бой в котором был ранен курилка.

Щуплый барабанщик с порванным рукавом и ссадиной на носу отстукивал призыв к атаке, и рота спешно строилась в каре. Лейтенант с перевязанной грязной тряпицей головой, бледный как покойник, тянул саблю вверх отдавая приказы срывающимся голосом.

Кавалерия противника океанской волной нахлынула на остатки Пятого Квартирианского обороняющего холм.

– Огонь!

Залп. За ним другой, третий. Всадники теряли людей, но всё плотнее сжимали кольцо вокруг синих мундиров. Победа над ними означала победу в битве.

Мы с курилкой тогда располагались на самой верхушке холма в составе отряда егерей. Точнее того что от него осталось. Два десятка стрелков с максимальной скоростью выцеливали в толпе офицеров и сержантов из «фрау Помфри» – нарезного штуцера, прозванного так за гулкое «Пом!» раздающееся после выстрела, и стреляли, стреляли.

Очередной ружейный залп оглушает, и запах пороха щиплет ноздри...

– Эмиль! Эмиль! Да проснись ты! – кто-то бесцеремонно тормозил меня за плечо.

А порохом то и правда пахнет, – подумал я и схватился рукой за лавочку из-за то, что карета подпрыгнула на кочке.

– Они нас догнали! – кричит, надрываясь, Галгарпер.

Залп ударил в доски позади меня и одна из пуль пробила окованный жестью борт и врезалась в противоположную стену.

Отодвинув металлическую задвижку на маленьком окошке, я осторожно выглянул на улицу. Всего в десятке шагов от нас, в брызгах воды, летела пожарная карета, запряжённая четвёркой вороных лошадок. Боковые двери экипажа были распахнуты и за ними я видел вооружённых людей, целившихся в нас. Четверо стояли на коленях, четверо над ними.

Бабах! – новый залп и уже пара тяжёлых свинцовых пуль пробило борт.

– Лис! – орал снаружи Метель. – С другой стороны ещё одна карета!

Поднявшись на ступеньку, я оказался рядом с извозчиком. В тот же момент по нам ударил залп слева и стёкла фонаря с магическим кристаллом разлетелись вдребезги. Треугольный осколочек чиркнул меня по подбородку. Карета под ногами снова подпрыгнула, да так что я чуть не вылетел наружу.

– Дьявол! Почему все боковые мосты подняты? – закричал я, провожая взглядом механические мосточки позволившие бы нам затеряться на улицах Серого квартала, но Метель, нахлёстывающий лошадок, не услышал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.